

А. С. СОНИН

## ВАК СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: НАУКА, ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА\*

### Общественно-политическая обстановка

В первые послевоенные годы Высшая аттестационная комиссия страны (ВАК СССР) работала в непростой общественно-политической обстановке. Эйфория совместной с Западом победы над фашизмом испарилась менее чем через год, когда стало ясно, что правительство СССР и западные правительства по-разному представляют себе послевоенное устройство Европы. Наши союзники рассчитывали на постепенное сближение СССР с Европой, на демократические преобразования в стране, на превращение СССР в открытое общество. Сталинское руководство стремилось использовать победу в войне для расширения «зон социализма», для насаждения зависимых от Москвы правительств «народной демократии».

Окончательное размежевание произошло в середине 1946 г. Мир начал сползать к холодной войне, которая грозила перерасти в третью мировую войну. В этой ситуации советское руководство стало предпринимать усилия по укреплению «морально-политического единства советского народа», ибо крепкий тыл — залог победы.

Особенно беспокоила власти интеллигенция. Дело в том, что во время войны и в первые послевоенные годы расширились контакты с западным миром. Писатели, художники, врачи, ученые стали, минуя идеологические фильтры, все больше получать правдивую информацию о жизни за границей, западных ценностях, демократическом политическом устройстве. У интеллигенции появилась возможность сравнивать, а это было уже опасно. Необходимо было не только прекратить общение с западным миром, но и дискредитировать западную культуру, науку, образ жизни. И, естественно, восхвалять советский образ жизни, советскую науку и культуру. Этим целям должны были служить так называемые идеологические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам культуры, а также кампании по борьбе с космополитизмом, физическим идеализмом, формальной генетикой, кибернетикой, теорией резонанса и т.п.

Идеологические постановления были направлены на повышение идейности произведений литературы, кино и музыки. Под идейностью в них понимались осуждение «растленной» западной культуры и прославление существующего политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единомыслия. Эти постановления — «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (август, 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 00-03-00028а).

по его улучшению» (август, 1946 г.), «О кинофильме “Большая жизнь”» (сентябрь, 1946 г.), «Об опере В. Мурадели “Великая дружба”» (февраль, 1948 г.) — хорошо известны. В них осуждались «гнилая безыдейность и аполитичность» творчества некоторых видных поэтов, писателей, композиторов, деятелей кино. Но, кроме того, им инкриминировался «несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». Эти обвинения в низкопоклонстве были усилены в появившейся в январе 1949 г. в «Правде» статье о театральных критиках — «безродных космополитах». Тем самым власти начали раскручивать идеологическую кампанию по двум пересекающимся направлениям — по борьбе с безыдейностью и космополитизмом.

Эта кампания стала распространяться по стране с быстротой лесного пожара. В каждой области культуры выявлялись и осуждались свои космополиты и безыдейные деятели.

В науке трудно было найти безыдейность (хотя в таких гуманитарных областях, как филология, история, психология, это было возможно), но космополитов оказалось довольно много. Ведь наука интернациональна по своей сути, и без учета опыта зарубежных ученых, без общения с ними, реального прогресса ждать не приходится. Тем не менее уже с середины 40-х гг. все контакты советских ученых с Западом были практически заморожены, за исключением официальных делегаций из проверенных научных администраторов, никто за границу не выезжал.

В те годы иностранным ученым, которые приезжали в нашу страну, старались ничего серьезного не показывать и не обсуждать. Были закрыты два научных журнала, издававшихся на английском и немецком языках специально для заграницы, где печатались статьи ведущих советских ученых. Советским ученым не рекомендовалось печатать свои статьи в иностранных журналах, а если это случалось, то такие факты рассматривались, как яркое проявление космополитизма.

Собрания, посвященные борьбе с космополитизмом в науке, проходили в те годы во всех научных учреждениях и вузах. Власти требовали, чтобы во всех научных коллективах были выявлены и осуждены свои космополиты. Для осуждения наиболее маститых космополитов при министерствах и центральных ведомствах в марте 1947 г. постановлением Совета Министров и ЦК ВКП(б) были учреждены Суды чести для рассмотрения «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий». Жертвами Судов чести стали крупные ученые Н.Г. Ключева, Г.И. Роскин и А. Р. Жебрак. И хотя им были вынесены, на первый взгляд, ничего не значащие приговоры — общественные выговоры — на самом деле это был конец их профессиональной и научной карьеры<sup>1</sup>.

Еще одной важной составляющей идеологической кампании явились все-союзные совещания по разным областям науки. Они тоже хорошо известны — обсуждение книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской

<sup>1</sup> Подробнее см.: Есаков В. Д., Левина Е. С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: Изд. Института российской истории РАН. 2001.

философии» (июнь, 1947 г.), сессия ВАСХНИЛ (июль–август, 1948 г.), заседание Оргкомитета по подготовке Всесоюзного совещания физиков (декабрь, 1948 – март, 1949 г.). На этих совещаниях власти пытались утвердить не только важные для нее идеологические установки, но и «подправить» выводы конкретных наук в нужную ей сторону. На философской дискуссии насаждалась мысль об определяющей роли русской философии в развитии западно-европейской мысли, на сессии ВАСХНИЛ генетика была объявлена лженаукой, а на заседаниях Оргкомитета по подготовке Всесоюзного совещания физиков оспаривались выводы теории относительности и квантовой механики. Во всех этих мероприятиях явно, в большей или меньшей степени, звучали мотивы борьбы с антипатриотизмом (космополитизмом), идеализмом и аполитичностью.

Вот в такой общественно-политической обстановке в эти годы работала ВАК СССР при Министерстве высшего образования СССР. В те годы ее возглавлял сам министр С. В. Кафтанов. Его заместителями были замминистра А. В. Топчиев и академик А. А. Благонравов. В состав ВАК входили выдающиеся ученые И. П. Бардин, Д. Д. Блохинцев, Н. Г. Бруевич, С. И. Вавилов, И. Э. Грабарь, И. Ф. Григорьев, Д. Д. Иваненко, С. Т. Конабеевский, С. С. Наметкин, А. И. Опарин, К. В. Островитянов, К. И. Скрябин, А. М. Терпегорьев, И. П. Трайнин, Б. Н. Юрьев. Однако ими состав ВАКа не ограничивался. Там заседали и ученые меньшего ранга и даже такие «ученые», как Т. Д. Лысенко.

Здесь совершенно излишне упоминать, что вся деятельность ВАК по присуждению ученых степеней и званий направлялась и контролировалась партийными властями и непосредственно отделом науки и Высшей школы ЦК ВКП(б). Но не следует думать, что политические установки и прежде всего идеологические кампании, о которых мы говорили выше, являлись для ВАКа неукоснительным руководством к действию. Все было не так просто. Крупные ученые, имеющие свое мнение по самым острым вопросам, вообще трудно поддаются управлению. Большинство членов ВАК в этом отношении не составляли исключение, и часто на заседаниях возникали острые дискуссии. Об этом свидетельствуют письма Кафтанова Секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову<sup>2</sup>.

В первом письме от 30 марта 1949 г., которое не сохранилось, Кафтанов просил Маленкова исключить академика И. Э. Грабаря из состава ВАК за «примиренческое отношение к формалистическому направлению в искусстве и за недооценку роли актуальных высоко идейных художественных произведений», а также академика В. В. Виноградова «как сторонника старого языкознания, отстаивающего отжившие традиции русской дореволюционной лингвистики и проповедующего чуждые советской науке формалистические теории сосюриянства и структурализма». 23 сентября 1949 г. во втором письме Кафтанов снимает свое ходатайство о Грабаре<sup>3</sup>. А в третьем письме

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 134–136.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 134.

снимает свое ходатайство о Виноградове, так как тот «осознал свои ошибки» и в практической работе их исправляет»<sup>4</sup>.

В четвертом письме Кафтанов просит исключить из числа членов ВАК «бывшего вице-президента Академии архитектуры СССР доктора архитектуры Алабяна К. С. как не обеспечившего государственной линии и должного идейно-политического направления в архитектуре и покровительствовавшего идеологам формалистических теорий архитектуры». «В Академии архитектуры за время руководства К. С. Алабяна, — пишет далее Кафтанов, — господствовали идеи «историзма» и низкопоклонства перед современной капиталистической культурой. За последние 10 лет в своих официальных докладах и статьях К. С. Алабян некритически относился к американской системе строительства и превозносил упадочную американскую архитектуру (доклад на пленуме Союза советских архитекторов в 1939 г. «Массовое жилищное строительство в США», статья «Человек и его дом» в «Литературной газете», 1949 г. и др.). В своей деятельности по проектированию Сталинграда К. С. Алабян не оправдал доверия партии и правительства, оторвался от местных органов и недобросовестно отнесся к работе по восстановлению города-героя»<sup>5</sup>.

Судя по тому что Кафтанов не отозвал свою просьбу, Алабяна от ВАКа отлучили. Во всяком случае, в стенограммах заседаний ВАК его фамилия больше не упоминается.

Эти письма говорят о том, что, хотя в рядах членов ВАКа существовала оппозиция официальной политике, она в конце концов подавлялась теми или иными способами. В конечном итоге руководству ВАК всегда удавалось проводить нужные ему решения.

В контексте рассматриваемых нами идеологических кампаний все конфликтные аттестационные и диссертационные дела можно разбить на три группы: аполитичные (безыдейные), космополитические (антипатриотические) и антимишуринские (менделистско-морганистские). Конечно, это деление до некоторой степени условное, ибо во многих делах эти компоненты так или иначе переплетались. Однако такая, пусть грубая, классификация дает нам возможность последовательно проанализировать отношение ВАК к различным аспектам идеологических кампаний.

### Аполитичные дела

В рассматриваемый период наибольшее количество забракованных работ попало под категорию аполитичных.

Среди таких дел следует выделить дело Лемперта. Оно имело большой общественный резонанс и было специально отмечено в отчете об итогах работы ВАК за 1947–1948 учебный год<sup>6</sup>, в разделе негативных явлений: «Так, в 1-м Московском медицинском институте была присуждена ученая степень

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 135.

<sup>5</sup> Там же. Л. 136.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 5–70.

кандидата медицинских наук врачу Г. Л. Лемперту на тему: “Демографический анализ последствий немецкой оккупации в 1941–1945 гг. по Латвийской ССР”. В диссертации извращена история борьбы и развития латышского народа. Официальные оппоненты по этой диссертации профессора Мерков и Боярский проявили недопустимую аполитичность и объективизм, оценив эту работу как достойную ученой степени»<sup>7</sup>.

Г. Л. Лемперт, заведующий кафедрой организации здравоохранения медицинского факультета Рижского университета, в 1946 г. выпустил в Риге книгу о демографических последствиях немецкой оккупации Латвии<sup>8</sup>. Книга была выпущена под грифом Научно-методического бюро санитарной статистики Минздрава Латвии. В декабре этого же года по материалам этой книги на заседании Ученого совета санитарно-гигиенического факультета 1-го Московского медицинского института (1-ММИ) он защитил кандидатскую диссертацию<sup>9</sup>. В ней он изложил результаты анализа естественного и механического движения населения, размеры и направления процессов движения населения республики, величину и причины уменьшения населения вследствие немецкой оккупации. В результате в диссертации были приведены обоснованные рекомендации органам здравоохранения Латвийской ССР по устранению выявленных демографических перекосов.

Ученый совет санитарно-гигиенического факультета 30 декабря 1946 г. присвоил Лемперту искомую ученую степень. Дело пошло в ВАК. Но 20 ноября 1947 г. в газете «Медицинский работник» появилась статья Туранова «В плену реакционных теорий», где разгрому подверглись и книга и диссертация Лемперта<sup>10</sup>. Автор статьи начинает с утверждения, что «труд Г. Лемперта... ничего общего не имеет с исторической правдой, с марксистско-ленинской оценкой событий и явлений». Такой вывод Туранов обосновывает следующими аргументами. Во-первых, Лемперт «грубо фальсифицирует историю Латвии», утверждая, что в конце прошлого века для Латвии наступил период относительного благополучия. «Такое “откровение”, — пишет Туранов, — в устах советского научного работника кажется более чем странным». В подтверждение он рассказывает о том, как немецкие помещики эксплуатировали латышских крестьян. Однако Лемперт в своей работе имел в виду не классовую борьбу, а демографическую ситуацию, которая, по его мнению, в тот период была относительно стабильной.

Во-вторых, Туранов обвиняет Лемперта в том, что тот использовал «подтасованные, тенденциозные немецко-фашистские статистические данные». Основываясь на них, Лемперт сделал вывод, что в период 1939–1945 гг. в естественном демографическом движении населения Латвии преобладал и «фактор инерции» (рождаемость и естественный прирост населения являются

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 66.

<sup>8</sup> Лемперт Г. Л. Демографический анализ последствий немецкой оккупации в 1941–1945 гг. по Латвийской ССР. Рига, 1946.

<sup>9</sup> Лемперт Г. Л. Демографический анализ последствий немецкой оккупации в 1941–1945 гг. по Латвийской ССР. Дисс. на соиск. уч. ст. кандидата мед. наук. 1947.

<sup>10</sup> Туранов Н. В плену реакционных теорий // Медицинский работник. 1947. 20 ноября.

очень стабильными процессами), а также сравнительно незначительные экономические потрясения первых двух лет фашистской оккупации<sup>11</sup>. Этот период Лемперт назвал «спокойным» в демографическом смысле, так как в это время рождаемость превышала смертность. Здесь Туранов видит буржуазную концепцию примата биологических факторов над социальными. Ну, а по поводу «незначительных экономических потрясений» приводит данные Чрезвычайной государственной комиссии по оценке ущерба, нанесенного фашистской оккупацией Латвии. «Только политическим невежеством и безответственностью можно объяснить утверждение Лемперта о якобы “спокойном” периоде в годы оккупации», — возмущается Туранов.

Но особенно бурное возмущение у Туранова вызвали приведенные Лемпертом данные о том, что в годы присоединения Латвии к СССР смертность начала превышать рождаемость. «Безыдейность, методологическая путаница, некритическое отношение к материалам привели автора к рекламе тенденциозных статистических данных, составленных при фашистской оккупации», — писал Туранов.

Не остался незамеченным и антипатриотизм Лемперта. В своей книге он привел мнения видных западных статистиков. «Лемперт не дает оценки, не разоблачает реакционную сущность высказываний буржуазных ученых — этих холопов монополий», — возмущается Туранов.

В заключение своей статьи Туранов говорил: «Непонятно, как мог Ученый совет санитарно-гигиенического факультета (председатель проф. Ивановский) 1-го Московского медицинского института допустить вредную, переполненную историческими фальшивками работу в качестве диссертации к защите на степень кандидата медицинских наук и, тем более, присвоить такую степень».

Эта статья наделала много шума. Она стала предметом обсуждения на совещании научных работников отделения санитарной статистики Института организации здравоохранения и истории Академии медицинских наук СССР, которое состоялось 18 декабря 1947 г.<sup>12</sup> В результате бурных дебатов совещание приняло резолюцию, в целом поддерживающую Лемперта. В ней отмечалось, что он «провел значительные статистические исследования, освещающие впервые размер и характер изменений, произошедших в населении Латвии за период Великой Отечественной войны, в которых сумел раскрыть и показать тяжелые последствия оккупации для населения Латвии (истребление сотен тысяч людей, угон на фашистскую каторгу и проч.)». Вместе с тем подчеркивалось, что в диссертации содержится «ряд политически ошибочных формулировок», она «засорена... изложением взглядов некоторых буржуазных ученых без достаточного критического разбора их, а также надуманными и ненужными иностранными словами». Оппоненты Боярский и Мерков, — говорилось далее в резолюции, — хотя и отметили ряд недостатков, в том числе и политические, не потребовали их исправить до защиты. Не потребовал их исправить и Ученый совет 1-ММИ, хотя даже в таком виде он

<sup>11</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 560. Л. 52–53.

<sup>12</sup> Там же. Ед. хр. 547. Л. 598–604.

имел достаточно оснований для присуждения Лемперту ученой степени кандидата медицинских наук.

Лемперта поддержал и Совет 1-ММИ. 8 января 1948 г. специальная комиссия, образованная Ученым советом, под председательством профессора П. А. Кувшинникова, констатировала, что «работа д-ра Лемперта по своему основному содержанию не дает оснований квалифицировать ее как «злобный клеветнический пасквиль» и «реакционный, чуждый научной истине труд» (цитаты из статьи Туранова)<sup>13</sup>. Однако в диссертации имеется «ряд политических и методологических ошибочных формулировок». Ученый совет, — говорится далее в заключении комиссии, — положился на мнения оппонентов и не добился исправления формулировок.

Позицию и научной общественности, и Ученого совета понять нетрудно. Хотя они и признали некоторые ошибочные формулировки, в целом они защищали свое реноме и пытались спасти коллегу. Тем более, что, по общему мнению, диссертация Лемперта являлась серьезной научной работой.

Но, увы, не то время на дворе! Президиум ВАК 8 февраля 1948 г. поручил профессорам И. Г. Корчагину и В. И. Светлову изучить диссертацию Лемперта и материалы защиты и доложить свое заключение. Уже через два дня заключение было готово<sup>14</sup>. В нем говорилось, что эта диссертация «дает антинаучное, извращенное освещение хода истории развития латышского народа»<sup>15</sup>. Далее эксперты делают вывод, что Лемперт считает, что русская культура влияла на латышский народ наравне с культурой Тевтонского ордена и «культурой шведских и польских завоевателей» и «русская культура не оказывала прогрессивного влияния на развитие культуры латышского народа»<sup>16</sup>. В своей диссертации Лемперт имел неосторожность назвать прибалтийских немцев «друзьями латышского народа»<sup>17</sup>. «По Лемперту, выходит, — возмущаются эксперты, — что вековые поработители латышского народа — немецкие капиталисты, бароны и помещики, проживающие в Латвии, являются его друзьями»<sup>18</sup>.

Но особенно большую политическую крамолу усмотрели в тех местах диссертации, где речь шла об отношениях Латвии и Советского Союза в последние годы. Так, рассматривая хозяйственные связи, Лемперт упоминает о том, что СССР всегда был для Латвии «источником сырья и рынком сбыта»<sup>19</sup>. Экспертам же кажется, что для Латвии СССР был «только источником сырья и рынком сбыта» и это «только» трактуется как принижение роли СССР. Далее Лемперт пишет, что 1939–1944 гг. были годами «небывалой тяжести пережитых народами Латвии потрясений», годами «смутного времени». И это, возмущаются эксперты, говорится о годах «освобождения Латвии от реакци-

<sup>13</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 598–604.

<sup>14</sup> Там же. Л. 48–51.

<sup>15</sup> Там же. Л. 49.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Лемперт Г. Л. Демографический анализ последствий... С. 45.

<sup>18</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 49.

<sup>19</sup> Лемперт Г. Л. Демографический анализ последствий... С. 23.

онно-буржуазного режима и присоединения ее к СССР!»<sup>20</sup>. Эксперты предложили признать диссертацию Лемперта «политически вредной и антинаучной», отменить решение Ученого совета 1-ММИ о присуждении ему ученой степени, указать официальным оппонентам «на недопустимость политической близорукости», просить министра Кафтanova «придать Суду чести Лемперта и его официальных оппонентов» и обсудить решение ВАКа на ученых советах всех вузов страны.

Эти предложения экспертов поддержали члены Президиума ВАК. Лысенко высказался в том духе, что Ученый совет 1-ММИ нужно лишить права принимать диссертации к защите. Однако против этого предложения выступил член ВАКа — Кочаргин. Он сказал, что этот Ученый совет является наиболее компетентным санитарно-гигиеническим советом, а во всем виноваты оппоненты. Его поддержал академик Сепп, который сам являлся членом этого совета. Он сообщил Президиуму ВАК, что совет не согласился с заключением комиссии под председательством Кувшинникова, а его ошибка состояла в том, что он доверился мнению оппонентов. В результате обсуждения было принято предложение Самарина: поручить Президиуму ВАК в недельный срок обследовать работу санитарно-гигиенического Ученого совета 1-ММИ и решить вопрос о диссертации Лемперта.

10 февраля Президиум ВАКа вынес решение<sup>21</sup>. В констатирующей части оно не отличалось от заключения экспертов ВАКа. Президиум признал диссертацию «политически вредной и антинаучной». Эта диссертация показала, «что автор находится в плену реакционных теорий западноевропейских ученых и латышского ренегата-фашиста Скуенека»<sup>22</sup>. Решение Ученого совета о присуждении Лемперту ученой степени Президиум отменил. Официальным оппонентам указано «на недопустимое, политически близорукое отношение к оценке политически вредной и антинаучной диссертации Лемперта»<sup>23</sup>. А в заключение Президиум ВАКа просил министра Кафтanova предать Лемперта Суду чести и рассмотреть вопрос о предании Суду чести официальных оппонентов.

Этим и закончилось дело Лемперта — типичное дело инспирированное послевоенными идеологическими кампаниями. К счастью, ни Лемперта, ни его официальных оппонентов к Суду чести не привлекли. А судя по двум его книгам, вышедшим в 60-е гг., Лемперт не сломался и продолжал свою научную деятельность<sup>24</sup>.

Обвинения в аполитичности ВАК предъявляла самым разным диссертациям, относящимся к различным областям знания. При этом под понятие аполитичности попадали любые утверждения, приведенные в диссертациях, так или иначе не согласующиеся с политическими и идеологическими установками властей.

<sup>20</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 50.

<sup>21</sup> Там же. Ед. хр. 568. Л. 225–228.

<sup>22</sup> Там же. Л. 227.

<sup>23</sup> Там же. Л. 227.

<sup>24</sup> Лемперт Г. Л. К вопросу о методике построения электрокардиографического заключения. Рига, 1960; Лемперт Г. Л. Основы электрокардиологии. М.: Медгиз, 1963.

Ну что аполитичного можно найти в учебнике «Техническая термодинамика»? Оказывается, даже очень можно, если постараться. А. М. Литвин из Киевского политехнического института представил в качестве докторской диссертации второе издание своего широко известного учебника по технической термодинамике <sup>25</sup>. Экспертный совет на основании трех отрицательных рецензий вначале отклонил эту работу. Основной аргумент — второе издание учебника мало отличается от первого издания, за которое автор уже получил степень кандидата технических наук. Литвин опротестовал это решение, и на повторном заседании Экспертная комиссия в измененном составе рекомендовала Президиуму ВАКа присвоить Литвину искомую степень <sup>26</sup>.

Дело рассматривал Президиум ВАКа <sup>27</sup>. Вот тут-то и пошли в ход обвинения в аполитичности. Автора обвинили в «отсутствии идеологической направленности» учебника, в том, что он проповедует идеализм, излагая взгляды Больцмана, и, самое главное, его книга «не будит в учащихся национальной гордости...», «не будит в учащихся стремления к построению коммунистического общества» <sup>28</sup>. В результате Президиум ВАКа отклонил работу Литвина.

В те годы буржуазный национализм считался одним из ярких проявлений аполитичности. Это обвинение было предъявлено целому ряду исторических диссертаций. Вот несколько примеров.

З. Ш. Раджабов защитил в марте 1948 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР докторскую диссертацию на тему: «История общественной мысли Узбекистана в колониальный период» <sup>29</sup>. Оппонентами выступали авторитетные историки: член-корреспондент АН СССР Н.М. Дружинин и профессора К. В. Сивков и С. П. Толстов. Они оценили работу положительно, и Ученый совет единогласно присудил Раджабову ученую степень доктора исторических наук. Однако рецензент ВАКа профессор А. К. Боровков счел работу «наспех сделанной, непродуманной» <sup>30</sup>. Второй рецензент профессор В. Н. Заходер обвинил Раджабова в буржуазном национализме на том основании, что тот рассматривал его как передовую прогрессивную идеологию.

В июле 1949 г. экспертная комиссия по историческим наукам постановила, что «диссертант З. Ш. Раджабов идеализирует буржуазную идеологию Узбекистана» и поэтому его диссертация не рекомендуется к утверждению. Диссертацию послали еще на один дополнительный отзыв, по-видимому, учитывая положительные отзывы авторитетных официальных оппонентов. Этот рецензент, кандидат исторических наук А. В. Пяковский, окончательно разгромил диссертацию Раджабова.

<sup>25</sup> Литвин А. М. Техническая термодинамика. 2 изд. Госэнергоиздат. 1947.

<sup>26</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 597. Л. 58.

<sup>27</sup> Там же. Л. 58–63.

<sup>28</sup> Там же. Л. 59.

<sup>29</sup> Там же. Ед. хр. 496. Л. 488–496.

<sup>30</sup> Там же. Л. 491.

Основным пороком диссертации, — писал рецензент в своем отзыве, — являются те общие неправильные установки, которые говорят о том, что автор подходил к разработке важнейших проблем отнюдь не с классовых, марксистско-ленинских позиций. Автор дает совершенно неправильную, порочную оценку контрреволюционному, буржуазно-националистическому, так называемому джадидскому движению, характеризуя джадидов «просветителями узбекского народа». Вместо того, чтобы разоблачать контрреволюционное предательское вражеское лицо джадидов, диссертант, наоборот, без всякой меры идеализирует их и силится доказать, будто эти заклятые враги узбекского народа были якобы «просветителями», якобы несли в массы прогресс и культуру, боролись за счастье народа. В оценке джадидов автор с головой выдает свои симпатии к этим презренным буржуазным националистам <sup>31</sup>.

Это уже было несмываемое клеймо, и Раджабов поспешил забрать свою диссертацию из ВАКа.

Здесь необходимо пояснить следующее. Сильные эпитеты Пясковского в адрес джадидов с исторической точки зрения по меньшей мере не корректны. Это национальное мусульманское течение до революции 1917 г. (а Раджабов в своей диссертации рассматривал только период с 1885 по 1917 г.) носило все черты культурного прогрессивного движения <sup>32</sup>. Его цель была реформировать старую систему мусульманского образования, европеизировать ее в соответствии с духом времени. Это потом джадиды стали бороться против советской власти, но это к диссертации Раджабова уже никакого отношения не имеет. Но укоренившиеся идеологические клише не позволили рецензенту проявить хотя бы минимум объективности.

Еще один «буржуазный националист» И. С. Авербух в 1944 г. защитил на историческом факультете Среднеазиатского университета кандидатскую диссертацию на тему: «Преднестровье в 1917–1940 гг.» <sup>33</sup>. Эта диссертация была взята на контроль и отправлена на отзыв рецензенту ВАКа кандидату исторических наук Г. Рейхбергу. Он дал отрицательный отзыв на том основании, что, по его мнению, не изучена связь румынско-молдавских буржуазных националистов с Украинской центральной радой и другими контрреволюционными организациями, плохо охарактеризовано большевистское подполье и т.п. Тогда ее послали на отзыв доктору исторических наук А. И. Гуковскому. И тот дал отрицательный отзыв: «Классовые противоречия в Бессарабии автор подменяет национальными противоречиями между румынскими валахами и румынскими молдаванами. Здесь автор рассуждает с позиций буржуазно-националистических» <sup>34</sup>. С такой оценкой согласилась и экспертная комиссия ВАКа.

12 февраля 1947 г. Н. С. Перкин защитил в Институте литературы, языка и искусства АН БССР кандидатскую диссертацию на тему: «Литературное

<sup>31</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 496. Л. 494–495.

<sup>32</sup> См., например: статью «Джадизм» в БСЭ. Т. 8. М., 1972. С. 184.

<sup>33</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 497–502.

<sup>34</sup> Там же. Л. 500.

наследство писателей-этнографов первой половины XIX века Яна Борщевского и Яна Чечета»<sup>35</sup>. Референт ВАКа кандидат филологических наук С. И. Василенок обвинил диссертанта в буржуазном национализме на том основании, что тот пытается представить польских писателей Борщевского и Чечета одними из основоположников белорусской литературы. «Перкин повторил в своей диссертации, — писал рецензент, — давно осужденные белорусским народом антинаучные и реакционные “теории” белорусских националистов, которые, враждебно относясь к русским влияниям, к советской культуре, пытались ориентировать белорусскую интеллигенцию на панскую Польшу, на буржуазный Запад»<sup>36</sup>. Естественно, что после такой рецензии диссертацию Перкина отклонили.

Эти примеры показывают, что в рамках политических и идеологических установок «буржуазный национализм» был для властей одной из главных опасностей. В многонациональном государстве, каким являлся Советский Союз, обсуждение любых национальных проблем, кроме, естественно, культурных, мягко говоря, не поощрялось, даже если речь шла о прошлой истории. Национальные противоречия имманентно присущи человеческому сообществу, и с этим ничего не поделаешь. В лучшем случае их удастся сгладить и урегулировать мирным путем. Но, когда они переходят в политическую плоскость, то становятся чреватые серьезными конфликтами. Партийное руководство Советского Союза это отчетливо понимало и делало все возможное, чтобы не затрагивать острые национальные проблемы. Удобным приемом считалось прикрытие национальных коллизий классовой борьбой. Все, что в плане изучения исторических процессов выходило за эту доминанту, объявлялось «буржуазным национализмом». Именно с этих позиций ВАК подходила к оценке диссертаций.

Еще одной разновидностью аполитичности считался «объективизм» и «формализм». Эти обвинения выдвигались против тех работ, в которых излагалась объективная картина тех или иных событий, взглядов или суждений, но которые не согласовались с политическими и идеологическими установками властей.

М. М. Бахтин 15 ноября 1946 г. защитил в Институте мировой литературы кандидатскую диссертацию на тему: «Рабле в истории реализма»<sup>37</sup>. Официальные оппоненты профессора А. К. Дживилегов, И. М. Нусимов и А. А. Смирнов дали диссертации очень высокую оценку как чрезвычайно вдумчивому и оригинальному исследованию, основанному на использовании огромного количества текстов, историко-культурных фактов, критических работ. Оппоненты считали, что эта работа проливает новый свет на творчество Рабле и получит большой резонанс в советской и европейской науке. Бахтин подошел к творчеству Рабле с новой, неожиданной стороны — со стороны народного, фольклорного творчества. Он убедительно показал, как фольклор Средневековья, народный

<sup>35</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 189–191.

<sup>36</sup> Там же. Л. 190.

<sup>37</sup> Там же. Ед. хр. 587. Л. 500–508.

юмор отразились в произведениях Рабле. Оценка диссертации Бахтина официальными оппонентами была настолько высока, что Ученый совет признал диссертацию достойной ученой степени доктора филологических наук. Референт ВАКа, член-корреспондент АН СССР М. П. Алексеев, поддержал это представление. Он оценил работу Бахтина как научное открытие.

24 февраля 1949 г. экспертная комиссия по филологии под председательством профессора А. И. Смирницкого констатировала, что Бахтин заслуживает присуждения ему докторской степени. Однако указала, что в диссертации есть «грубые ошибки и искажения», а именно: Рабле повлиял на творчество Гоголя. При этом не принималось во внимание, что эту точку зрения высказал не Бахтин, а крупный дореволюционный филолог профессор А. Н. Веселовский, специально изучавший влияние западноевропейской литературы на русских писателей.

В те годы такое утверждение, в целом соответствующее действительности, считалось крамолой. В соответствии с идеологическими установками на особую, самобытную русскую литературу, на русских писателей никто влиять не мог. Поэтому такое утверждение в диссертации Бахтина было квалифицировано как «объективизм» с определенными последствиями, которые не заставили себя долго ждать.

Экспертная комиссия, учитывая, что диссертация была написана в основном в 1940 г., т.е. до соответствующих идеологических постановлений, рекомендовала вернуть ее на переработку с последующим представлением в экспертную комиссию без повторной защиты.

15 марта 1949 г. Президиум ВАКа рассмотрел диссертацию Бахтина в его отсутствие (он не приехал на заседание по болезни). На заседании с разгромной рецензией выступил председатель экспертной комиссии по западной филологии профессор В. А. Дынник, который не присутствовал на заседании 24 февраля. Он квалифицировал работу Бахтина как формалистическую, игнорирующую идейную сторону романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». Бахтин в своем анализе творчества Рабле «обнаруживает пристрастие к рассмотрению образов, имеющих грубо физиологический характер»<sup>38</sup>. Кроме того, «диссертант совершенно игнорирует глубокое идейное содержание произведений великого русского реалиста и национальное значение Гоголя»<sup>39</sup>.

На основании этого заключения Президиум ВАКа отклонил ходатайство Ученого совета Института мировой литературы об утверждении Бахтина в ученой степени доктора филологических наук.

Диссертацию Бахтина рассматривал и Пленум ВАКа. 21 мая 1949 г. состоялось его заседание, на котором присутствовал и Бахтин. Он аргументированно ответил на все замечания по своей диссертации. Что же касается влияния Рабле на Гоголя, то, по мнению Бахтина, эта побочная тема занимает 3 страницы из 700 страниц диссертации, и серьезно рассматривать ее здесь просто смешно. «Я Гоголя вывожу из национального украинского фольклора, — ска-

<sup>38</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 507.

<sup>39</sup> Там же. Л. 508.

зал Бахтин, — я только указываю, что мой метод раскрытия неофициальной культуры должен быть применен и к изучению Гоголя»<sup>40</sup>.

Затем слово было предоставлено члену экспертной комиссии профессору Чемоданову. Он подчеркнул, что «в диссертации имеются страницы с очень грубыми идеологическими ошибками. Например, автор диссертации ссылается на высокий авторитет Веселовского, говорит о влиянии Рабле на Гоголя. Все это показало нам, что работа Бахтина не выдерживает критики в настоящее время в свете решений Партии по идеологическим вопросам»<sup>41</sup>.

Затем последовал такой диалог:

Топчиев: Тут дело серьезное: в отзывах написано, что диссертант утверждает, что Гоголь ничего нового в литературу не внес, что он заимствовал у Рабле. Так или нет? Если так, то мы отклоним диссертацию, а если не так, как говорится в отзывах, то дело другое.

Чемоданов: Я сам не литературовед, я могу говорить только на основании суждения в комиссии. Действительно, Дынник так написал, это верно. Мы на этом заседании просмотрели те места, где Бахтин проводит параллели.

Топчиев: Что заимствовал у Рабле Гоголь?

Грабарь: Неверно это. Это притянута за уши.

Чемоданов: Насколько мне известно, там охаивания нет, некоторые параллели проведены.

Виноградов: Здесь сказано так: «Интересно указание Бахтина, что многие черты этого мировоззрения можно найти у многих, например у Гоголя, когда он восходит к народным источникам, но при этом осложняются косвенным влиянием через посредство Стерна».

Грабарь: Злостное искажение того, что написано автором.

Виноградов: Через влияние Стерна — вот это нас и смутило.

Чемоданов: Вот это нас и смутило.

Грабарь: Диссертант говорит об источниках творчества, а то, что сейчас процитировано, совершенно другое.

Чемоданов: Поэтому мы просили вернуть диссертацию на переработку.

Грабарь: Если эти две или две с половиной страницы просто вычеркнуть, как не имеющие никакого отношения, то работа от этого никак не пострадает и не будет никакого повода для каких-либо упреков... Поэтому я просто считаю, что придирались референты зря.

Самарин: Я считаю, что диссертацию надо отклонить. Для меня совершенно понятно — он занимался Рабле, но какой-то мостик хотел переки-

<sup>40</sup> ГАРФ. Ф.9506. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 51.

<sup>41</sup> Там же. Л. 52.

нуть в нашу русскую литературу и, как мы видим, очень неудачно — пусть он ограничивается даже двумя фразами.

Виноградов: Неправильна мысль о влиянии Рабле на Гоголя. Эта мысль развивалась в 1942 г. Мандельштамом, получила хождения в буржуазном литературоведении. Этой мысли коснулся и Бахтин, но немножко ее изменил, признав влияние народной литературы. Но это входит как побочный эпизод. И все-таки я считаю, что мы должны согласиться с мнением экспертной комиссии потребовать от товарища Бахтина переделки диссертации. Сам Бахтин заслуживает некоторого снисхождения и поощрения.

Ильющин: Во-первых, отмечается, что это чрезвычайно свежая и глубокая работа, во-вторых, ясно из справки, которую мы имеем, что в ней содержатся некоторые ошибки, которые сейчас, особенно после последних лет, стали более ясными нам. Но такого рода ошибки, по-видимому, допускались в те годы, когда писалась диссертация...

С места: Была мода обязательно связывать.

Ильющин: Он и связывал, но неудачно, и эти три страницы есть дань какой-то существовавшей тогда точке зрения. Я считаю, что можно предложить ему работу переработать и без повторной защиты представить на новое рассмотрение экспертной комиссии.

Топчиев: Я поддерживаю это предложение. Предложить диссертацию переработать, представить на экспертную комиссию и вновь поставить на рассмотрение ВАКа.

Грабарь: Сотни книг написаны о Рабле, но такой ни одной не было в мировой литературе <sup>42</sup>.

Бахтин не стал перерабатывать свою диссертацию ради получения степени доктора. Так и остался выдающийся литературовед и философ скромным кандидатом филологических наук. Зато он, дополнив свою работу, выпустил ее в 1965 г. в виде монографии <sup>43</sup>.

Еще один «формалист и объективист» от литературы А. Л. Слонимский 26 февраля 1948 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета защитил диссертацию «Народные основы поэзии Пушкина» на соискание ученой степени доктора филологических наук. Положительные рецензии на диссертацию представили известные специалисты: Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, а также С. М. Бонди и В. М. Жирмудский. Ученый совет единогласно присудил Слонимскому искомую ученую степень. Также единогласно утвердил это решение и Ученый совет ЛГУ <sup>44</sup>.

<sup>42</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 54–55.

<sup>43</sup> Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

<sup>44</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. 430–435.

Дело пошло в ВАК. Референт ВАКа кандидат филологических наук Н. М. Онуфриев дал на диссертацию резко отрицательный отзыв. Он написал, что работа Слонимского только по недоразумению могла быть представлена к защите и пропущена Ученым советом ЛГУ как докторская диссертация. Основные возражения референта сводились к тому, что «автор очень часто в качестве исходного начала творческого замысла у поэта выдвигает не его общественные взгляды и жизненные наблюдения, а узко литературные побуждения»<sup>45</sup>. Но это еще не все. Оказывается, Слонимский «в обычном для формалистов и последователя А. Веселовского стиле» решает вопрос о заимствованиях Пушкиным образов из иностранной литературы. Второй референт, профессор Д. Д. Благой, отдавая дань большой работе диссертанта, рекомендует свести к минимуму изложение работ, связанных «с так называемыми заимствованиями Пушкина»<sup>46</sup>. На основании этих рецензий Президиум ВАКа 22 ноября 1949 г. отклонил ходатайство о присуждении Слонимскому ученой степени доктора филологических наук. Дело было направлено на Пленум ВАКа с вызовом соискателя.

Пленум состоялся 1 октября 1949 г. После краткого ответа Слонимского на замечания референтов, от имени экспертной комиссии выступил профессор Глаголев. Он сказал:

Я считаю, что вопрос имеет большое принципиальное значение. Многие представители полагали, что вопросы методологии не имеют большого значения — важна эрудиция, представление большого материала, считается, что этого достаточно для присуждения степени доктора. Но из года в год мы замечаем, что диссертации, проходившие в ленинградских вузах, вызывали очень много возражений методологического порядка. Это понятно: оппонентами выступали такие люди, как Гуковский, Томашевский, Эйхенбаум. Все это — профессора, имеющие очень серьезные извращения в вопросах методологии. Поэтому экспертная комиссия не могла отнестись доверчиво к этим отзывам и считала, что нужно подойти очень внимательно к изучению диссертации товарища Слонимского при наличии хвалебных отзывов Гуковского, Эйхенбаума... Речь идет о том, что диссертация вызывает сомнение относительно разрешения вопроса основного, принципиального, имеющего решающее значение. Я имею в виду вопрос народности... Автор не берет проблему в духе современности, он не раскрывает этой проблемы в духе ее развития, а без этого невозможно решение проблемы, тем более у Пушкина. Соискатель, мне кажется, неправильно обходит вопрос о предъявлении ему обвинения в наличии формалистических приемов, формалистического подхода в решении ряда вопросов о взаимодействии русской и западно-европейской литературы. Речь идет о том, что товарищем Слонимским допущен прямой компаративизм, когда берется сказка Пушкина и сопоставляется со сказкой Вольтера. Это типичный компаративизм, это не ме-

<sup>45</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 432.

<sup>46</sup> Там же. Л. 434.

лочь, это вопрос большого принципиального значения, так как вопросу о заимствовании уделено очень много внимания в работе Слонимского о Пушкине <sup>47</sup>.

Удивительная речь для филолога, как по форме, так и по содержанию! Однако Глаголева поддержал сам Кафтанов.

Кафтанов: Вы должны понять следующее. Вы взяли очень важную тему о народности поэзии Пушкина, вы ее рассматриваете после той борьбы на идеологическом фронте, которая проводилась за принципы социалистического реализма против принципов буржуазного формализма. Была разоблачена школа Веселовского с ее буржуазными толкованиями. Я должен сказать, что мы разбирали вопрос о Ленинграде на Коллегии и на литературном факультете вскрыта целая группа профессоров, которая пропагандировала теорию Веселовского. И они же давали отзывы <sup>48</sup>.

Диссертацию Слонимского, естественно, отклонили за формализм, объективизм и компаративизм.

В последнем грехе обвиняли и Бахтина. Поэтому здесь нужно сделать некоторые пояснения. Компаративизм — сравнительно-исторический метод в литературоведении — был в те годы под большим подозрением. Конечно, сравнивать и выяснять сходство исторического развития образов и сюжетов в литературе и фольклоре разных народов было еще допустимо. Но сравнение сюжетов и образов в русской и зарубежной литературе, а тем паче, поиск зарубежного влияния на отечественных авторов, строго пресекались и рассматривались как яркое проявление космополитизма и объективизма. Родоначальник российского компаративизма профессор Московского университета А. Н. Веселовский (1843–1918) считался реакционером в литературоведении на том основании, что доказывал в свое время влияние творчества Мольера на Грибоедова. Его последователи из Ленинградского университета, оппоненты Слонимского, и вовсе были объявлены космополитами и при случае осуждались в печати. Особенно старалась «Литературная газета». Только в январе – феврале 1948 г. она опубликовала 7 статей, осуждавших Веселовского и его последователей из Ленинградского университета <sup>49</sup>.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что диссертации и Бахтина, и Слонимского не могли пройти через идеологический фильтр ВАКа.

Приведенные выше в этом разделе примеры идеологической цензуры ВАКа можно назвать примерами «мягкой» аполитичности. Эти работы не содержали прямо антисоветских высказываний, и их авторы считались вполне лояльными существующему строю. Но иногда в поле зрения ВАК попадали

<sup>47</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. 48.

<sup>48</sup> Там же. Л. 49.

<sup>49</sup> Буров Н. Апологеты реакционных идей Достоевского // Литературная газета. 1948. 3 января; За критику и самокритику в науке о языке // Там же. 1948. 7 января; За большевистскую партийность в советском литературоведении // Там же. 1948. 10 января; Кузнецов М. А. Н. Веселовский подлинный и приукрашенный // Там же. 1948. 14 января; Против низкопоклонства

случаи, которые можно назвать «жесткой» аполитичностью, когда рассматривали не представленные работы, а самих соискателей, их «общественное лицо», подозрительное с точки зрения господствующих политических и идеологических установок.

Так в 1948 г. Президиум ВАКа не утвердил в звании профессора докторов наук Н. С. Четверякова только потому, что в 1921 г. он по собственному желанию выбыл из рядов ВКП(б) «под влиянием религиозной семьи»<sup>50</sup>, и А. А. Манакова, потому что тот «с июня 1941 г. оставался на временно оккупированной территории г. Минска, сидел в Гестапо и в концентрационном лагере»<sup>51</sup>. За пребывание на оккупированной территории в Эстонии не были утверждены в ученых званиях М. Я. Мутли, Э. Д. Кибberman, Х. О. Муринг, В. Г. Рийвес, Э. К. Варен, Л. Р. Лаосимер, Х. Я. Юпрус<sup>52</sup>. Д. Б. Левину отказали в выдаче диплома доцента потому, что он в 1933 г. был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) в результате чистки как «не переварившийся в рабочей среде и ничем себя не проявивший в партии»<sup>53</sup>.

Эта «жесткая» аполитичность касалась ученых званий. Но были случаи, когда аполитичное «общественное лицо» закрывало дорогу и к ученой степени.

Н. Н. Биндеман защитил 2 декабря 1947 г. докторскую диссертацию «Прогнозирование режима грунтовых вод в связи с устройством водохранилищ». Экспертная комиссия по геологии 2 июня 1949 г. постановила, что диссертация Биндемана по своему научному уровню соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Однако, говорится далее в заключении, «экспертная комиссия считает своим долгом сообщить о позорном поведении Н. Н. Биндемана в 1941 г., выразившемся в политическом дезертирстве во время Великой Отечественной войны. В связи с этим комиссия не считает возможным рекомендовать утвердить Н. Н. Биндемана в ученой степени доктора геолого-минералогических наук»<sup>54</sup>.

Что скрывалось за непонятной формулировкой «политическое дезертирство» разъяснил на Пленуме ВАКа сотрудник секретариата. Оказывается, «Биндеман уехал из Москвы и неизвестно где пробыл самое ответственное время 1941 года — несколько месяцев. Он откололся от партии. Его исключили из партии за неуплату членских взносов»<sup>55</sup>. ВАК запросила в Московском партархиве характеристику на Биндемана и получил «сведения, отрицательно характеризующие тов. Биндемана»<sup>56</sup>.

Вывод сделал председательствующий на Пленуме ВАКа Топчиев:

---

в литературоведении // Там же. 1948. 24 января; *Паперный* З. Покончить с буржуазными пережитками в литературоведении // Там же. 1948. 25 февраля.

<sup>50</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 571. Л. 68.

<sup>51</sup> Там же. Л. 82.

<sup>52</sup> Там же. Л. 68.

<sup>53</sup> Там же. Л. 75.

<sup>54</sup> Там же. Ед. хр. 592. Л. 553–554.

<sup>55</sup> Там же. Л. 33.

<sup>56</sup> Там же. Л. 554.

«Казалось бы, что после этого он должен был исправиться, а между тем производственная характеристика и партийная характеристика, полученные по особой линии, ярко отрицательные. Поэтому нет оснований утверждать диссертацию. Голосую — отклонить диссертацию»<sup>57</sup>.

И диссертацию, соответствующую всем критериям докторской работы, отклонили.

### Антипатриотические дела

Рассмотрим теперь несколько аттестационных дел, связанных с так называемой борьбой с космополитизмом (антипатриотизмом).

Кампания по борьбе с космополитизмом началась сразу после окончания войны и стала быстро распространяться на все сферы культуры и науку. В каждой области выявлялись и осуждались свои «космополиты» — антипатриоты, которые якобы пренебрежительно относились к собственной культуре и науке и восхваляли достижения Запада.

Инициатором кампании по борьбе с космополитизмом был сам Сталин. 14 мая 1947 г. он принял в Кремле руководителей Союза писателей СССР. В беседе с ними он поднял тему преклонения перед иностранцами:

А вот есть такая тема, которая важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо долбить. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает. Вот взять такого человека, не последний человек, а перед каким-то подлецом-иностранцем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничтожения у многих наших интеллигентов<sup>58</sup>.

Кампания по борьбе с космополитизмом разрушительным вихрем пронеслась над наукой. В те послевоенные годы во всех научных учреждениях и вузах проходили собрания, посвященные борьбе с местными «космополитами». Их прорабатывали, выгоняли с работы, морально унижали. В число «космополитов» попали многие выдающиеся ученые, такие, как физики П. Л. Капица, А. Ф. Иоффе, В. Л. Гинзбург, химики Н. Н. Семенов, А. Н. Фрумкин, биологи Н. П. Дубинин, А. Р. Жебрак, Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин, философ Б. М. Кедров и многие другие. Естественно, что при такой ситуации, ВАК СССР считала борьбу с космополитизмом одной из главных своих задач.

<sup>57</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 592. Л.33.

<sup>58</sup> Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М.: Книга. 1990.

Если внимательно проанализировать отклоненные диссертации по причине их космополитизма, то их можно разбить на три большие группы.

К первой группе надо отнести диссертации уже разоблаченных «космополитов». Вне зависимости от содержания этих диссертаций, у них не было никаких шансов пройти идеологический фильтр. Вот несколько примеров.

30 июня 1947 г. А. М. Борщаговский на Ученом совете Института украинской литературы АН УССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему: «Драматургия Тобилевича». Официальные оппоненты академик АН УССР А. И. Белецкий и кандидат филологических наук А. А. Глазенпуд положительно оценили диссертацию. Однако референт ВАКа профессор И. П. Еремин дал по диссертации отрицательный отзыв <sup>59</sup>.

Экспертная комиссия по филологии рассмотрела диссертацию Борщаговского 4 июля 1949 г., т. е. после известной статьи в «Правде» о театральных критиках — «безродных космополитах», в числе которых был назван и Борщаговский. Судьба его диссертации была предрешена. Экспертная комиссия вынесла следующее заключение:

Присоединяясь к оценке работы тов. Борщаговского, данной в рецензии проф. Еремина, экспертная комиссия одновременно считает необходимым отметить, что в отзыве проф. Еремина недостаточно подчеркивается общая методологическая порочность всей космополитической концепции тов. Борщаговского. Ошибки, допущенные в диссертации тов. Борщаговского, не носят случайного характера. Тов. Борщаговский примыкал к антипатриотической космополитической группе театральных критиков, разоблаченных нашей советской общественностью. Порочность взглядов эстетствующих театральных критиков Борщаговского, Гурвича, Юзовского была разоблачена на страницах нашей прессы. Порочность «трудов» тов. Борщаговского, посвященных классической и современной украинской драматургии, была осуждена на II пленуме Правления Союза писателей Украины в докладе тов. Л. Дмитренко о «Состоянии и задачах театральной литературной критики на Украине».

Учитывая все вышеизложенное, экспертная комиссия считает, что диссертация тов. Борщаговского не отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и рекомендует ВАК отклонить ходатайство Ученого совета Института украинской литературы АН УССР о присуждении тов. Борщаговскому ученой степени кандидата филологических наук <sup>60</sup>.

Пленум ВАКа, естественно, согласился с такой формулировкой <sup>61</sup>.

Другой «космополит» Г. А. Авенариус 24 декабря 1946 г. в Государственном институте кинематографии защитил диссертацию на тему «Авангард»

<sup>59</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 597. Л. 463–467.

<sup>60</sup> Там же. Ед. хр. 604. Л. 155.

<sup>61</sup> Там же. Ед. хр. 597. Л. 40.

и получил ученую степень кандидата искусствоведения<sup>62</sup>. Официальными оппонентами на защите выступали видные деятели кино — профессора М. Д. Эйхенгольц и С. И. Юткевич.

Поскольку Авенариус уже числился «космополитом», его диссертацию послали на рецензию референту в ВАК. Кандидат искусствоведения Е. В. Смирнова в своем отзыве отметила, что «автор диссертации является законченным буржуазным космополитом. Он восхваляет практическую деятельность гнилой формалистической группы «Авангард», не имеющей никакого права на такое обязывающее название. Диссертация представляет собой низкопоклонство перед упадочной буржуазной культурой, воспевание формалистов, принижение роли советского киноискусства. На стр. 11 Авенариус выдвигает тезис о том, что советские кинематографисты наряду с французскими и немецкими развивали одни и те же проблемы, поставленные на повестку дня развитием киноискусства»<sup>63</sup>.

Последний тезис отзыва звучит особенно весомо — советские кинематографисты никак не могли развивать те же проблемы, что и деятели кино других стран, они должны были прославлять советскую действительность. Естественно, что, не дожидаясь решения Пленума, Авенариус забрал свою диссертацию.

С. С. Гинзбург получил ученую степень кандидата искусствоведения, защитив 10 июля 1947 г. на том же Ученом совете Государственного института кинематографии диссертацию на тему: «Вопросы стилистики в работах мастеров кино»<sup>64</sup>. В ВАК она попала уже в марте 1949 г. К этому времени Гинзбург был уволен с постов ответственного секретаря журнала «Искусство кино» и заведующего отделом кино газеты «Советское искусство» как «космополит».

Естественно, что референт ВАКа кандидат искусствоведения Д. Еремин быстро выяснил, «что диссертация Гинзбурга С. С. антинаучна, порочна в своей основе, чужда принципам марксистско-ленинской философии и эстетики, искажает реальное развитие советского кино, проповедует космополитические и эстетико-формалистические взгляды. Гинзбург утверждает, что не существует национально-классовых кинематографий, а имеется якобы единая «мировая кинематография». Закономерности развития русской кинематографии он видит не в общественной жизни, а в развитии собственно кинематографической техники (движущее изображение, звук, цвет)»<sup>65</sup>. Конечно, ученую степень Гинзбург не получил.

Ко второй группе «космополитических» диссертаций относятся работы, в которых авторы имели неосторожность положительно оценивать достижения зарубежной науки и техники. Таких диссертаций большинство, и часто их авторы выражали искренне недоумение в ответ на обвинения их в космопо-

<sup>62</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 34–35.

<sup>63</sup> Там же. Л. 35.

<sup>64</sup> Там же. Л. 32–33.

<sup>65</sup> Там же. Л. 33.

литизме. Они-то думали, что, объективно анализируя зарубежный опыт, они помогают развитию отечественной науки и техники.

Вот характерный пример. 6 июня 1947 г. Р. Я. Хигер на Совете Академии архитектуры защитил диссертацию на тему: «Опыт планирования населенных мест и жилищного строительства США» и получил ученую степень кандидата архитектуры. Официальными оппонентами выступали выдающиеся советские архитекторы Б. М. Иофан и В. Г. Калиш<sup>66</sup>.

Цель этой диссертации — анализ американского опыта строительства и рекомендации по практическому его использованию применительно к нашим условиям. Однако уже сама тема диссертации в те годы звучала как ярко выраженная крамола. Поэтому диссертация Хигера была взята на контроль и послана на отзыв референту ВАКа профессору Н. М. Гусеву. Пока Гусев читал диссертацию, 21 мая 1949 г. в газете «Правда» появилась статья Г. Криско «На ложных позициях»<sup>67</sup>, где диссертация Хигера названа космополитической.

Сей «ученый» (Хигер. — А. С.), — писал Криско, — весь свой «опыт» почерпнул из статей американских журналов, проникнутых ядовитой антисоветской пропагандой, восхвалением буржуазной американской науки и техники и американского образа жизни. Расшаркиваясь перед буржуазным Западом, Хигер выступает в своих «трудах», как яркий проповедник буржуазного конструктивизма. Рабское преклонение перед американской строительной практикой, неприкрытая пропаганда вздорной сказки о жилищных условиях трудящихся в Америке — таковы «идеи», пронизывающие «труды» этого безродного космополита.

Отзыв Гусева был тоже соответствующим.

В работе, — писал референт, — имеет место ряд грубых ошибок, свидетельствующих об оторванности автора от ближайших задач социалистического строительства, о «слепоте», не позволяющей ему увидеть наши достижения в области градостроительства и заводского домостроения, а также о преклонении диссертанта перед американской архитектурой. На стр. 385–390 автор дает восторженный отзыв реализованной в Нью-Йорке идее Корбюзье о реконструкции крестообразными небоскребами (стоящими на большом расстоянии друг от друга), ориентируя таким образом косвенно наших планировщиков на чуждый нашему градостроительству путь.

На стр. 441 автор делает вывод о том, что «система американских пригородов и саттелитов» в больших американских городах является «прототипом» будущего города как социального организма не только в США, но и во всем мире. Работа Р. Я. Хигера не удовлетворяет требованиям для присуждения автору ученой степени кандидата архитектуры<sup>68</sup>.

<sup>66</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 636.

<sup>67</sup> Криско Г. На ложных позициях // Правда. 1949. 21 марта.

<sup>68</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 637–638.

11 сентября 1949 г. экспертная комиссия по строительным специальностям под председательством профессора С. С. Давыдова вынесла следующее заключение:

Углубленное ознакомление с делом арх. Хигера Р. Я. выявило наличие в его работе целого ряда крупных недостатков. Используя ненаучный метод исследования, автор без должного анализа и научной критики рекомендует к применению в нашем социалистическом строительстве методы планировки и жилищного строительства, применяемые в США. Пойдя по пути преклонения перед иностранной архитектурой и строительной техникой, автор не вскрыл социально-экономических условий, влияющих на отдельные технические решения. Следствием этого явилось также рассмотрение иностранного опыта без учета практических задач советской архитектуры. Идеологически ошибочные тенденции автора, неправильный подход к исследованию избранной темы лишили автора возможности сколько-либо успешно разрешить поставленную им задачу.

В представленном виде работа арх. Хигера Р. Я. не может быть признана удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата архитектуры.

Учитывая сказанное, экспертная комиссия рекомендует ВАК отменить решение Ученого совета Академии архитектуры СССР о присуждении арх. Р. Я. Хигеру ученой степени кандидата архитектуры <sup>69</sup>.

29 ноября 1949 г. состоялось заседание Президиума ВАКа в присутствии соискателя. Он ответил на основные замечания референта:

Диссертация писалась в 1941–1945 гг. в Академии архитектуры в условиях Великой Отечественной войны, когда Америка была нашим военным союзником в войне с гитлеризмом, и это отразилось на построении всей диссертации. Президиум Академии архитектуры, которым была поставлена разработка проблемы изучения зарубежного опыта, в частности опыта жилищного строительства Америки, поручил мне как научному сотруднику разработку этой темы, которая велась под руководством Президиума Академии и непосредственно вице-президента Академии.

Само собой разумеется, сейчас, когда общеполитическая ситуация резко изменилась, когда Америка стала оплотом мировой реакции и неофашизма, сейчас, конечно, хотелось бы гораздо острее и политически непримиримее изложить эту тему. Но все же несмотря на то, что тогда по общеполитической ситуации пришлось несколько сгладить острые вопросы, все же основные вопросы, касающиеся нашего отношения к Америке и ее жилищному и градостроительству, изложенные в вводной главе, приводят красочный материал о трущобах Америки с ее антисанитарией, высокой смертностью и преступностью. Этот факт говорит сам за себя. То, что референт ВАКа назвал «слепотой» по отношению

<sup>69</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 639.

к США, является только отражением общеполитической ситуации в обстановке Великой Отечественной войны <sup>70</sup>.

Хигер пытался оправдаться, ссылаясь на особенность политического момента, даже упомянул о «трущобах Америки с ее антисанитарией, высокой смертностью и преступностью». Но не тут-то было...

Самарин: Мы будем обсуждать вопрос о вашей диссертации, но вам нужно учесть в дальнейшей вашей работе, что вы допустили здесь очень серьезные ошибки. Вы нам здесь заявляете, что был такой период, что американцы были нашими союзниками, что мы должны были какое-то особое отношение к ним иметь. Наше отношение к капиталистическим странам никогда не менялось...

Хигер: Но тогда, в годы войны...

Самарин: Мы никогда не считали, что оттого, что американцы воюют с нами против гитлеровской Германии, там капитализм стал другой. Хотя они воевали вместе с нами против Германии, но они по-другому проводили планировку населенных мест, чем мы. Надо было вам это в своей работе учесть. Мне кажется, что вы просто социальные явления себе мало представляете, вы все это упускаете и все сводите к технике застройки. Вы пытаетесь доказать, что безработные, бездомные путешествуют в трейлерах... Есть хорошая книга «Гроздь гнева», где написано, как передвигаются безработные. Если вы посмотрите в наших колхозах и совхозах, то стахановцы и наши комбайнеры — рабочие живут в трейлерах, а в Америке сельскохозяйственные рабочие могут только мечтать о трейлерах. Они ни в трейлерах, а в конюшнях живут, в пустых железнодорожных вагонах. Это в литературе хорошо описано. Какое мнение?

Кочергин: Отклонить.

Благонравов: Отклоним <sup>71</sup>.

И отклонили, убежденные (или сделавшие вид), что наши стахановцы уже тогда жили в трейлерах.

По сходному сценарию развивались события и в случае с диссертацией Р. М. Смоленской <sup>72</sup>. Она защитила кандидатскую диссертацию по архитектуре в том же году и на том же Ученом совете, что и Хигер. Тема ее диссертации: «Архитектура детских учреждений (ясли, детские сады, оздоровительные площадки)». Все прошло нормально, но в середине 1948 г. ВАК обратила внимание, что еще в 1942 г. Президиум Академии архитектуры присвоил ей звание старшего научного сотрудника. По-видимому, это было против пра-

<sup>70</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 605. Л. 230.

<sup>71</sup> Там же. Л. 237–238.

<sup>72</sup> Там же. Ед. хр. 633. Л. 62–69.

вил, и ВАК направила дело в экспертную комиссию. Та вынесла решение о возможности присуждения Смоленской искомой степени.

Но тут наступила кульминация кампании по борьбе с антипатриотизмом, и в июне 1949 г. в ВАК поступил материал партийного собрания Института общественных и промышленных зданий Академии архитектуры СССР. В этом материале сообщалось, что, выступая на собрании, арх. А. А. Мартыненко отметил, что «работа Смоленской от начала до конца построена на подробном, всестороннем и восторженном разборе всего того, что удалось почерпнуть ей из иностранных журналов и книг по вопросу зарубежных детских учреждений. Работа выдвигает требования безоговорочного копирования и перенесения в практику нашего строительства “прогрессивных черт” в проектировании и строительстве детских учреждений в Америке и Западной Европе. Работа Смоленской близко примыкает к обширному ряду низкопоклоннических, пропитанных ядом враждебной идеологии, статей о “расцвете”, “прогнесе” загнивающей культуры Запада»<sup>73</sup>.

Далее в этом материале сообщалось, что директор Института А. Б. Пожарский и секретарь партийной организации Н. С. Кучаров считают диссертацию Смоленской слабой в научном отношении и отмечают в ней идеологические извращения в оценке современной практики проектирования и строительства детских учреждений в СССР и незаслуженные восхваления и утверждения приоритета зарубежной архитектуры в основных вопросах строительства детских учреждений.

ВАК моментально отреагировала на «сигнал», и диссертация Смоленской была послана на отзыв референту профессору Н. М. Гусеву, тому самому, что рецензировал диссертацию Хигера. Естественно, что его отзыв был соответствующий. В нем говорилось, что в работе Смоленской не только не выявлена принципиальная разница в существе детских учреждений в капиталистических и социалистических обществах, но и отсутствуют критерии для правильной оценки в проектировании детских садов и яслей в России и за границей.

Излагая опыт зарубежных стран, — писал далее Гусев, — автор описывает и оценивает его не критически, а с узко профессиональных позиций в отрыве от социальных условий капиталистического общества. В работе не проведена четкая граница в подходе к решению проблемы общественного воспитания детей в социалистическом и капиталистическом обществах.

Вывод референта однозначный: работа не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

То же заключение вынесла и экспертная комиссия. Она констатировала, что:

1. В диссертации не показан революционный переворот, созданный социалистическим строительством в области проектирования детских учреждений, что привело автора диссертации к грубо ошибочной аналогии

<sup>73</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 69.

между приютскими домами в царской России, интернатом в капиталистических странах и социалистическими детсадами и яслями в СССР.

2. Метод построения диссертации, уделившей много места некритическому подробному описанию интернатов и детсадов в зарубежных странах и совершенно не осветившей богатой практики эксплуатации советских детсадов и яслей, — также ошибочен и необъективен <sup>74</sup>.

Итак, оказывается, главные пороки архитектурной диссертации носят идеологический характер. И поэтому Смоленскую лишили степени кандидата и звания старшего научного сотрудника.

Если Хигер и Смоленская «рекламировали» зарубежный опыт в области архитектуры городов, яслей и детских садов, то М. Э. Фидельман «рекламировал» его в обувной промышленности.

Фидельман защитил 10 октября 1946 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Основные принципы работы непрерывным потоком в сборочных цехах обувной промышленности» в Московском технологическом институте легкой промышленности (МТИЛП). ВАК утвердила его диссертацию, и Фидельману был выдан диплом кандидата технических наук.

Но 20 сентября 1949 г. на имя ученого секретаря ВАКа поступило письмо от заместителя начальника Главного управления вузов легкой промышленности Кокорина, в нем было сказано, что «заведующий кафедрой политэкономии МТИЛП доц. Симонов Н. В., которому диссертация была передана для ознакомления, нашел в ней ряд грубых политических ошибок, квалифицирующих Фидельмана как законченного космополита, позволившего себе игнорировать достижения стахановцев и советской промышленности в дни Великой Отечественной войны и построившего свою диссертацию, главным образом, на немецких источниках» <sup>75</sup>.

В связи с изложенным, Главное управление сочло необходимым пересмотреть вопрос о присуждении Фидельману ученой степени. Вслед за этими материалами в ВАК из редакции журнала «Вестник высшей школы» поступил отрицательный отзыв на диссертацию Фидельмана, подписанный кандидатом экономических наук Л. Гротом.

Дальше — больше. В ноябре 1950 г. в ВАК направлено отрицательное заключение партбюро МТИЛП на эту диссертацию, которая квалифицировалась как аполитичная и космополитическая. Такая хорошо скоординированная атака принесла свои плоды. Экспертная комиссия по легкой промышленности 26 мая 1950 г. вынесла отрицательное заключение по диссертации Фидельмана. Она выделила основной ее порок — реклама достижений немецкой и американской обувной промышленности. Экспертная комиссия рекомендовала отменить решение совета МТИЛП о присуждении ученой степени кандидата технических наук.

Дело передали на Президиум ВАКа <sup>76</sup>. Фидельман пытался доказать чле-

<sup>74</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 631. Л. 191.

<sup>75</sup> Там же. Ед. хр. 633. Л. 29.

<sup>76</sup> Там же. Ед. хр. 621. Л. 60–63.

нам Президиума, что оппоненты преувеличивают космополитические ошибки диссертации. Но ему это плохо удалось. Об этом свидетельствовали вопросы, которые ему задавали члены Президиума:

Кляцкин: Здесь экспертная комиссия пишет, что вы рекламировали «достижения» американской и германской промышленности.

Фидельман: У меня есть глава «Организация производства в капиталистической промышленности» и для того, чтобы показать знание литературы, из которой это мною почерпнуто, я показал, в каком состоянии находится там организация производства. В то же самое время (я это могу доказать) я утверждаю, что организация производства там отсталая, что там нет непрерывного потока. Если вы посмотрите выводы, вы убедитесь, что организация производства непрерывным потоком является передовой формой у нас в СССР. Что же касается капиталистической промышленности, то вся глава посвящена тому, чтобы показать, что там нет непрерывного потока производства.

Самарин: Чем вы объясняете, что в этих странах нет поточной системы производства?

Фидельман: Прежде всего мною в диссертации приведены причины, которые выдвигаются иностранными авторами. Это моя ошибка. Они в конечном итоге выражаются в том, что большие затруднения в изменении ассортимента. В капиталистических странах есть паразитический ассортимент. У нас планируется ассортимент самой обуви. Сама обувь проектируется, как рациональная, удобная и изящная.

Самарин: Почему же вы этого не написали?

Фидельман: Это правильно, не написал, я поэтому и признал, что нет партийной критики той литературы, которая приведена <sup>77</sup>.

И хотя, как утверждал Фидельман, наша советская обувь самая рациональная, удобная и изящная, и изготавливается непрерывным потоком, его все же лишили ученой степени за «космополитизм» в обувной промышленности.

Цитирование в диссертациях всегда считалось важным моментом — надлежало знать, когда и кого надо цитировать. Во времена разгула кампании по борьбе с антипатриотизмом недостаточное цитирование отечественных авторов и многочисленное цитирование иностранных являлось ярким признаком «космополитических» работ.

В 1947 г. А. Б. Вистелиус защитил докторскую диссертацию (геолого-минералогические науки) на тему: «Фазовая дифференциация палеозойских отложений Среднего Поволжья и Заволжья». Но референт ВАКа доктор геолого-минералогических наук Н. Б. Вассаевич нашел, что «крупным недостатком работы А. Б. Вистелиуса является явно выражение преклонения автора перед малозначимыми иностранными работами и забвение ряда работ русских и со-

<sup>77</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 621. Л. 62.

ветских геологов, важных для темы, разбираемой в диссертации. Автор игнорирует работы А. П. Карпинского по геологии русской платформы, работы Н. А. Головкинского по территории Второго Баку, работы Тихвинского, Флоринского, Васильева и других отечественных геологов по ритмичному строению палеозоя русской платформы. Примером отношения автора к иностранной и отечественной литературе может служить первая глава диссертации, которая представляет обзор исследований по вопросу о пористости горных пород. При этом рассматриваются почти исключительно американские работы — в списке литературы насчитывается 75 названий, из которых только 6 русские»<sup>78</sup>. На основании такого отзыва экспертная комиссия не рекомендовала утвердить Вистелиуса в искомой степени.

Дело было передано на Президиум ВАКа. Дискуссия там была очень бурной. Вистелиус вынужден был частично признать свою ошибку в обильном цитировании иностранных ученых. Он сказал, что в то время, когда он защищал диссертацию, большое количество ссылок на иностранные источники считалось положительным моментом, свидетельствующим об эрудиции диссертанта.

Вистелиус целый час отвечал на вопросы. Вот один из них, типичный:

Топчиев: А какой ответ вы можете дать на замечание рецензента, что крупнейшего нашего ученого — Карпинского вы в своей работе не цитируете, не ссылаетесь на его исследования. Из 75 названий вы только 6 приводите из числа русских ученых ?

Вистелиус: Я писал в своих опубликованных работах, что они внесли огромный вклад и приоритет их несомненен. Но я рассматривал ритмичность — определенное узкое свойство палеозоя русской платформы. В то время, когда работал Карпинский, — я с глубоким уважением относился к его трудам — понятие ритмичности не было рассмотрено... Книга Дausона о ритмичности вышла 1855 г., а академик Карпинский родился в 1846 г. Если вы подсчитаете разницу в годах, то убедитесь, что Карпинский никак не мог раньше Дausона написать работу о ритмичности<sup>79</sup>.

Этот ответ явно не удовлетворил Топчиева и других членов Президиума ВАКа. В результате Вистелиусу не присудили искомую степень.

Чрезмерное увлечение цитированием иностранных авторов дорого обошлось и К. А. Зворыкину. Он защитил 4 января 1949 г. кандидатскую диссертацию в Гидрогеологическом институте на тему: «Тарирование гидрометрических вертушек в круглых бассейнах». Экспертная комиссия 29 декабря 1949 г. сочла, что по своему «техническому содержанию и практическим выводам диссертация удовлетворяет требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Однако, учитывая, что в диссертационной работе обнаружены элементы преклонения перед иностранной техникой, что подтверж-

<sup>78</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 485.

<sup>79</sup> Там же. Л. 50.

дается ссылками на иностранные авторитеты, экспертная комиссия не считает возможным в таком виде рекомендовать диссертацию к утверждению»<sup>80</sup>.

На Президиуме ВАКа 31 января 1950 г. Зворыкин пытался оправдаться:

Зворыкин: Я позволю себе обратить внимание членов ВАКа, что преклонение перед иностранщиной я понимаю как замалчивание приоритета советских ученых и восхваление иностранных работ. У меня этого нет, но много приведено иностранных работ.

Самарин: Наличием преклонения являются также и чрезмерные ссылки ничем не оправданные, которые ничего не прибавляют нового принципиального в этом вопросе<sup>81</sup>.

В результате всех этих дискуссий Зворыкин остался без ученой степени.

В этот период кампании по борьбе с космополитизмом особое внимание ВАК уделяла учебникам. Поэтому особому контролю подвергались все диссертационные и аттестационные дела, в которых фигурировали отечественные и иностранные учебники или учебные пособия. Вот несколько примеров.

П. П. Астанин защитил 3 июня 1948 г. в Ленинградском ветеринарном институте докторскую диссертацию (биологические науки), в качестве которой он представил свой учебник «Биохимия». Экспертная комиссия рекомендовала присвоить Астанину искомую ученую степень. Однако ВАК все же послала учебник Астанина на отзыв академику А. И. Опарину. Отзыв был резко отрицательный.

Опарин писал:

Изложенная в начале книги история биохимии изображает нашу отечественную биохимию в чрезвычайно искаженном, чтобы не сказать, карикатурном виде. Если верить Астанину, то главное, чем занимались русские и советские биохимики, это было изучение мочевинообразования. О том перевороте, который был осуществлен нашими отечественными учеными в области химизма дыхания, азотистого обмена, процессов брожения, в энзимологии и т.д., мы не находим в буквальном смысле ни единого слова. Совершенно отсутствуют даже имена таких корифеев биохимии, как, например, Данилевский, Палладин, Лебедев, Костачев и Прянишников. А о Бахе, этом основоположнике советской биохимии, упоминается только вскользь при перечислении лауреатов Сталинской премии. Что сделал Бах, в чем заключалась его выдающаяся роль, об этом абсолютно ничего не сказано.

Но не только в историческом введении, но и на протяжении всего учебника Астанин чрезвычайно принижает роль отечественных биохимиков. Так открытия синтетического действия пепсина Астанин приписывает американцу Борсуку (стр. 126), хотя весь научный мир (и сам Борсук) признает, что это открытие было сделано русским ученым Данилев-

<sup>80</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 630. Л. 213.

<sup>81</sup> Там же. Л. 215.

ским. Честь открытия внеклеточного спиртового брожения Астанин приписывает немцу Бухнеру (стр. 121), по-видимому, Астанину совершенно не известна та роль, которую в этом деле сыграл наш выдающийся соотечественник Лебедев<sup>82</sup>.

Естественно, что при таком отзыве диссертацию отклонили.

Другой пример. З. Б. Канторович 13 ноября 1947 г. защитил в Московском институте химического машиностроения (МИХМ) докторскую диссертацию по учебнику «Основы расчетов химических машин и аппаратов».

Официальные оппоненты и референт ВАКа профессор С. В. Серенсен дали положительные отзывы, и казалось, что вопрос о присуждении Канторовичу искомой ученой степени будет решен положительно. Но тут в ВАК пришла стенограмма заседания Ученого совета МИХМ, на котором обсуждалась книга Канторовича. Ученый совет записал в своем решении:

Принимая во внимание, что учебник проф. Канторовича «Основы расчета химических машин и аппаратов» является по своему содержанию аполитичным, не отвечающим требованиям, предъявляемым к учебникам для высшей школы, не отвечающим идеям воспитания советской молодежи в духе советского патриотизма и не отражающим достижения советской науки и техники, считать недопустимым дальнейшее использование его студентами в качестве учебника.

Ученый совет предлагает немедленно изъять эту книгу из рекомендуемой учебной литературы в программе курса «Расчеты и конструирования машин и аппаратов» и в программах других специальных дисциплин<sup>83</sup>.

Конечно же, Канторович не получил искомой степени.

Особое место в борьбе ВАКа с «космополитами» занимает дело В. Л. Гинзбурга, тогда молодого доктора физико-математических наук, впоследствии выдающегося ученого, академика, Нобелевского лауреата 2003 г.

В те годы Гинзбург работал в Физическом институте АН СССР (ФИАН) и занимал должность заместителя заведующего теоретическим отделом. По совместительству с сентября 1946 г. он возглавлял кафедру излучения и распространения электромагнитных волн Горьковского университета.

30 июня 1946 г. Ученый совет Горьковского университета единогласно представил Гинзбурга к утверждению в звании профессора<sup>84</sup>. Дело поступило в ВАК и было рассмотрено 4 сентября 1947 г.<sup>85</sup>. И тут возникла непростая коллизия — Д. Д. Иваненко обвинил Гинзбурга в замалчивании достижений отечественных физиков и в пропаганде иностранных работ.

Ввиду важности этого дела приведем стенограмму этого обсуждения полностью.

<sup>82</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. ед. хр. 631. Л. 415–418.

<sup>83</sup> Там же. Ед. хр. 527. Л. 522.

<sup>84</sup> Там же. Ед. хр. 531. Л. 404.

<sup>85</sup> Там же. Л. 21–26.

Иваненко: Формально как будто бы все в порядке. Гинзбург защитил докторскую диссертацию. В диссертации есть ряд ошибок, которые он сам признал в печати. Я об этом сейчас не говорю. Диссертация утверждена, срок прошел. Но я чрезвычайно смущен необходимостью голосовать Гинзбурга на высокое звание профессора. Я пользуюсь этим случаем, чтобы обратить внимание членов ВАКа на недопустимое, на мой взгляд, поведение доктора Гинзбурга в печати в последние годы.

Гинзбург, занимающий ответственное место секретаря журнала в физической серии Академии наук, являющийся сотрудником центрального института в Москве, совершенно цинично замалчивает работы авторов, ему неугодных, в частности, ряд работ моих учеников, как проф. Соколова, Дурандина, погибшего во время войны. Гинзбург замалчивает все эти работы и этим дезинформирует нашу молодежь, дезинформирует нашу советскую общественность. Это перешло все пределы. У меня по этому поводу имеются материалы. Речь идет о статье «Успехи физики», 1947 г., посвященной актуальнейшему вопросу теории ядерных сил. Это вопрос, по которому работала довольно большая группа. Здесь использованы все результаты авторов, которые работали в этой области, в частности, и наши, но вычеркнуты все фамилии.

Такое неуважение к советским авторам идет рука об руку с необходимостью безразборного цитирования иностранных авторов. Тут есть смехотворные вещи. Гинзбург ссылается на иностранца, на Паули, по теории затухания, которая чрезвычайно нужна, но замалчивает работы Соколова, сделанные одновременно, всем известные, защищавшиеся у нас, приоритет которого признан всеми иностранными авторами. Имеется книга Паули, крупного современного физика, имя которого всем известно. Паули подчеркивает приоритет работ Соколова.

Гинзбург же цитирует всех, кроме наших советских авторов. Это неуважение к нашим советским авторам, циничное замалчивание, конечно, рука об руку идет с тем, что необходимо цитировать иностранные работы.

Все эти обстоятельства изложены в письменном виде. Все доказательства имеются и их можно было бы еще увеличить. Имеются десятки примеров.

Для меня ясно, что такое поведение недопустимо. Я не могу допустить, чтобы охаивались мои ученики, мой аспирант, который погиб на войне и который, таким образом, будет вычеркнут вообще из советской науки.

Поведение Гинзбурга получило в печати некоторый общественный резонанс. Мы получили десятки писем из разных городов по поводу этой статьи, в которых выражается удивление странным поведением Гинзбурга.

Сошлюсь на заявление ректора МГУ проф. Галкина, который также отметил это обстоятельство. Я профессору Конобеевскому указал на то, как он, член редколлегии, пропустил эту статью, не защитил элементарной чести университета.

Такое поведение Гинзбурга нашло отражение в публичном выступле-

нии на широком Ученом совете акад. Немчинова, и это выступление, как я видел, помещено в «Литературной газете». Это стало широко известным. Такое замалчивание и протаскивание иностранных авторов, пусть уважаемых, но в ущерб, по моему мнению, является недопустимым.

Должна ли заниматься этим ВАК? Конечно, ВАК этим занимается, но вопросы приоритета, вопросы этики... Кто-то этим должен заниматься. Речь не идет о деквалификации Гинзбурга, но дело в том, что раз мы даем ему высокое звание, даем кафедру, с которой он, очевидно, будет проводить опять такую же политику дезинформации, то, мне кажется, что ВАК не может пройти мимо этого.

Доказательств у меня много. Поведение Гинзбурга получило уже известный резонанс. Мое мнение ясное. Я обращаюсь с вопросом: как быть в таком случае? Никто его не хочет задерживать, не об этом идет речь. Человек он способный. Но речь идет о том, можем ли мы не обращать внимание на такие моменты. Если все наши разговоры, статьи об уважении друг друга, о приоритете советской науки, о чести советских ученых, если все это серьезно, то нельзя поощрять такие факты. Речь идет о поведении определенной группировки. Если не будет убедительных аргументов, то я не могу голосовать. Этот вопрос нужно выяснить. Пусть Горьковский университет обратит на это внимание.

Вавилов: Мне кажется, что вопрос, о котором говорил проф. Иваненко, не имеет отношения к вопросу о квалификации Гинзбурга. У нас имеется Суд чести и, по-моему, этот вопрос там можно поставить.

Должен сказать, что Гинзбург — очень крупный физик-теоретик. Он молодой человек и очень талантливый, очень разносторонний, работающий в самых разнообразных областях с большим успехом. Например, имеются очень интересные его работы в области радио, связанные с распространением радиоволн. Прекрасная работа в области оптики, а также по вопросам, связанным с физикой атомного ядра.

Я сегодня, как директор Физического института, получил просьбу от Горьковского университета командировать к ним Гинзбурга на некоторое время, причем в письме дана самая высокая характеристика Гинзбурга как профессора Горьковского университета, как профессора, лекции которого привлекают внимание широких кругов не только университета, но и всего города, который оказывает большое влияние на исследовательскую работу, дает новые темы. Такая характеристика дается проф. Греховой.

Связывая эти два обстоятельства — как крупного ученого и хорошего профессора, — я не вижу никаких оснований отказывать ему в присуждении ученого звания.

Что касается цитирования, то, конечно, заслуживает порицания то, что он не цитирует советских авторов. Но у каждого есть своя манера. Имеются авторы, которые никого не цитируют, имеются авторы, которые цитируют все до самых мелочей. В промежутке между этими двумя крайностями существуют всякие градации. Тут сказывается специфическое

отношение к проф. Иваненко и его сотрудникам. Думаю, что это вопрос личных отношений и сейчас ВАКу рассматривать этот вопрос не стоит. Если вопрос серьезный, то его надо передать на соответствующий Суд чести в Министерство высшего образования.

Кляцкин: Я не знаю вопроса и могу сказать в отношении радио. У радиостов Гинзбург пользуется большим авторитетом и, конечно, звания профессора он вполне заслуживает. С научной точки зрения против него никаких возражений не имеется.

Юрьев: К тому, что говорил проф. Иваненко, нужно подходить осторожно. Тут идет разная полемика. Некоторые работы, например, повторяются с других позиций...

Дальше делается вывод, указывается, что Гинзбург выводит то-то и то-то и пытается строить исходя из таких-то позиций. То есть, другими словами, идет параллельная работа. Человек это советский, формально у него все благополучно.

В отношении того, что он не ссылается на некоторых авторов. Но, например, меня никто не заставит ссылаться на проф. Н., у него масса противоречий с Ньютоном.

Здесь люди работают параллельно с разных точек зрения, и это имеет к квалификации маленькое отношение. Если говорить о некотором замалчивании, то, может быть, обратиться в Суд чести, можно поднять дискуссию о том, кто стоит на правильных позициях в данном вопросе. В данном случае не стоит смешивать два вопроса. Полемика идет с обеих сторон.

Блохинцев: Хочу обратить внимание на то, что в статье, которая дискутируется, Гинзбург цитирует ряд других советских авторов. Так что речь не идет о низкопоклонстве, что могло бы привлечь внимание общественности. Другие авторы отмечены.

Тут, видно, речь идет о научном споре, может быть, уже зашедшем за пределы научного спора. Конечно, это вещь неприятная, и, конечно, ВАКу едва ли стоит вмешиваться в эту сторону дела.

В отношении научной оценки я присоединяюсь к тому, что сказал Сергей Иванович.

Иваненко: Я не собираюсь затягивать заседание, хочу только указать, что речь идет не о научной полемике, а речь идет о том, что систематически, из года в год, не случайно замалчиваются ряд лиц, неугодных не только Гинзбургу, но и его близким коллегам. В прошлом году я выступал против диссертации Беленького. Я хочу, чтобы было ясно указано, что речь идет о систематическом замалчивании. Цитируются 5 работ и выбрасываются 2, неугодные автору. У меня есть книги мировых авторов, таких, как Паули, Венцель и др., и там указывается на приоритет Соколова. У Гинзбурга указываются все авторы, кроме Соколова. Я не могу этого допустить по отношению к своим ученикам, по отношению к Дурандину. Речь идет об этическом моменте, не о каком-то Гинзбурга отношении к Иваненко,

а о систематическом бойкоте группы лиц, в данном случае Гинзбургом. Поощрять это невозможно. Я позволю себе дать особое мнение. Я голосую против. Особое мнение прошу приложить к протоколу.

Немчинов: По этому вопросу мне пришлось выступать на широком научном совещании. В частности, три примера такого замалчивания были приведены в докладе, что и появилось в «Литературной газете».

Я считал необходимым выступить на широком совещании с обсуждением такого рода замалчивания достижений нашей науки, замалчивания научных достижений членов совета. Но, несмотря на такого рода выступления, я полагаю, что Сергей Иванович все-таки прав. Одно дело общественное обсуждение, одно дело известное приковывание внимания общественности к некоторым неправильным поступкам, требующим, может быть, общественного порицания, и другое дело — научная квалификация профессора. Поэтому, несмотря на то, что я лично считал, хотя и не как физик, а как директор Академии и председатель Совета, считал возможным публично выступить и не возражать против того, чтобы часть этого выступления была напечатана в «Литературной газете», все-таки считаю, что Сергей Иванович прав, что мы сегодня можем голосовать, если Гинзбург удовлетворяет требованиям.

Лысенко: Вопрос действительно вышел за пределы ВАКа и перешел в «Литературную газету». Разбирать это должен Суд чести. Конечно, Суд чести и ВАК — это разные учреждения, но проводить линию беспартийности работы ВАКа не годится.

Немчинов: Мне кажется, что факты, которые мною оглашены в «Литературной газете», не такой категории, которые подлежат Суду чести. Они несколько другой категории.

Кафтанов: Для меня не ясно, насколько предъявляется серьезное обвинение. Если он проводит такую антипатриотическую линию в науке, в освещении роли науки, советской науки (а ведь это молодой человек, который кончил вуз и получил звание профессора в условиях советского государства), то, конечно, мы это поощрять не можем и можем задержать утверждение его в звании профессора.

Судя по предварительному разбору, выходит, что имеется борьба разных направлений. Может быть, он признает 100 русских ученых и не признает одного, потому, что стоит на других противоположных позициях. Мы не можем требовать, чтобы ученые думали одинаково по всем вопросам, тогда не может быть никакой научной дискуссии. Прежде чем решить этот вопрос, в нем надо разобраться.

Если ему предъявляются серьезные обвинения по линии антипатриотических поступков, которые имеют глубокие под собой основания, то ВАК вправе сказать, что хотя он и доктор, хотя и проявил себя в науке, но в его деятельности имеются недостатки и поэтому в звании профессора его пока не утверждать. Если не так, то нужно утвердить. Может быть не торопиться с решением, поскольку имеются выступления в пе-

чати. Если это борьба личных мнений, то это одно дело, это не может повлиять на наше решение. Если это имеет более глубокие отношения, то ВАКу нужно подойти более осторожно. Это нужно выяснить окончательно.

Гращенко: В составе ВАКа имеются физики. Нужно поручить им рассмотреть.

Кафтанов: Может быть рассмотреть Президиуму вместе с физиками. Нужно проверить и на следующем заседании ВАКа доложить <sup>86</sup>.

В результате Президиум ВАКа решил отложить рассмотрение этого дела и вернуться к нему после обсуждения «вместе с физиками».

10 февраля 1948 г. вновь вернулись к делу Гинзбурга и вновь постановили отложить присвоение ему звания профессора <sup>87</sup>. На этот раз свою роль сыграл отрицательный отзыв на труды Гинзбурга, присланный в ВАК в ноябре 1947 г. доктором физико-математических наук профессором Кессенихом (физический факультет МГУ). Одновременно пришел и положительный отзыв, подписанный академиком Андроновым, но он не повлиял на решение Президиума ВАК.

В протоколе этого заседания сказано, что в декабре 1947 г. Академия наук СССР организовала специальную комиссию для рассмотрения трудов Гинзбурга. Следы ее деятельности обнаружить не удалось, но, по-видимому, ее заключение было положительным, и в результате Гинзбургу присвоили ученое звание профессора.

«Дело» Гинзбурга в каком-то смысле уникальное, так как оно касалось трудов выдающегося советского физика, а в каком-то смысле типичное не только для того времени, но и для отношений в среде советского физического сообщества. Оно отражает многолетнее яростное противостояние между так называемыми «университетскими» и «академическими» физиками <sup>88</sup>. Университетские физики — это в основном профессора и преподаватели физического факультета МГУ, где традиционно была сильна партийная организация, определявшая все стороны жизни факультета. Поэтому профессора и преподаватели факультета активно поддерживали все идеологические кампании партийных властей. На факультете активно боролись с «физическими идеалистами» и «космополитами», среди которых оказывались преимущественно сотрудники академических институтов.

Академические физики были меньше подвержены партийному влиянию, они защищали методологические принципы новой физики — теории относительности и квантовой механики, а университетские физики их обвиняли в идеализме.

Такая ситуация не могла не привести к конфликту между этими группами физиков. Гинзбург был один из лидеров академических физиков, Иваненко —

<sup>86</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 527. Л. 522.

<sup>87</sup> Там же. Ед. хр. 568. Л. 77.

<sup>88</sup> Сонин А. С. «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М.: Физматлит, 1994.

один из лидеров университетских физиков. Между ними был явный антагонизм. Гинзбург, как мы видели выше, не цитировал работы Иваненко и его учеников, которые он считал слабыми. В свою очередь Иваненко обвинял Гинзбурга в «антипатриотизме» и в «физическом идеализме».

Иваненко преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где ректором в то время был академик В. С. Немчинов, известный советский экономист. Последний и подписал статью в «Литературной газете» под хлестким названием «Против низкопоклонства»<sup>89</sup>, о которой шла речь на заседании Президиума ВАКа 4 октября 1947 г. Эта статья вызвала резкую реакцию академических физиков, одиннадцать из них (три академика и шесть членов-корреспондентов и два профессора) написали в «Литературную газету» письмо с решительным протестом против обвинений Немчинова. Но это письмо газета, естественно, не опубликовала.

Кульминация борьбы против «космополитов» в физике пришлась на заседание Оргкомитета по подготовке Всесоюзного совещания физиков<sup>90</sup>, и лишь после смерти Сталина эта вакханалия постепенно сошла на нет. Прекратилась и идеологическая кампания по борьбе с космополитизмом в науке и культуре. Однако ее уроки необходимо помнить и серьезно изучать, чтобы ничего подобного никогда больше не повторилось.

### Антимичуринские дела

Посмотрим теперь, как ВАК боролась с «менделистами – органистами». Кампания по борьбе с лженаукой генетикой имела своей кульминацией знаменитую сессию ВАСХНИЛ (июль – август 1948 г.). И уже 14 августа 1948 г. Коллегия Министерства высшего образования заслушала на своем заседании вопрос «О работе Экспертных советов по биологическим, сельскохозяйственным и зоотехническим специальностям»<sup>91</sup>. В решении, которое было принято на этом заседании, говорилось:

«Коллегия отмечает, что в работе экспертов при Высшей Аттестационной Комиссии по биологическим, сельскохозяйственным, зоотехническим и ветеринарным специальностям, так же, как и в биологической науке, определились два прямо противоположных направления: одно направление прогрессивное, мичуринское, другое направление — реакционное, вейсманистское. Это обстоятельство обуславливало собой борьбу между одним направлением — прогрессивным, мичуринским и другим направлением — реакционным, вейсманистским. Борьба находила свое отражение при рассмотрении вопросов о присуждении ученых степеней и званий по биологическим и сельскохозяйственным специальностям. Характерным является то, что диссертации соискателей мичуринского направления, как правило, направлялись на дополнительные рецензии сторонникам формальной гене-

<sup>89</sup> Немчинов В. С. Против низкопоклонства. Литературная газета. 1947. 4 октября.

<sup>90</sup> См.: Сонин А. С. «Физический идеализм»...

<sup>91</sup> ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 168.

тики, в то время как материалы сторонников противоположного направления часто получали положительное заключение без дополнительных рецензий»<sup>92</sup>.

В качестве примера диссертаций мичуринского направления, прохождению которых препятствовали экспертные советы, приводится диссертация В. В. Маховко. Несмотря на положительное заключение академика Лысенко, эта диссертация защищалась два раза и потом в экспертной комиссии (председатель профессор Н. М. Жуковский) ее послали двум рецензентам. Диссертация известного представителя «мичуринского» направления И. Е. Глущенко «Вегетативная гибридизация как метод управления формообразовательными процессами у растений» была отвергнута экспертной комиссией после отрицательного отзыва профессора В. А. Рыжкова. Но все же Пленум ВАКа присудил ему докторскую степень.

К протоколу заседания Коллегии приложена докладная записка заместителя Ученого секретаря ВАКа Олесова, где перечислялись «сторонники менделистско-морганистского реакционного направления» в экспертных комиссиях биологического профиля<sup>93</sup>.

В экспертной комиссии по биологическим специальностям, которая состояла из 27 человек, 7 человек, включая председателя Жуковского, считались представителями вейсманистско-реакционного направления: Н. М. Жуковский, В. А. Догель, В. Л. Рыжков, Т. А. Красносельская, М. Е. Макушок, А. А. Парамонов, С. С. Станков.

В экспертной комиссии по растениеводству, состоящей из 12 человек (председатель И. В. Якушкин), представителей вейсманистско-реакционного направления всего 3: А. Р. Жебрак, М. С. Дунин, Н. Н. Богданов-Катков.

Экспертная комиссия по почвоведению, общему земледелию и агрохимии, состоящая из 11 человек (председатель академик В. П. Бушинский), имела 4 менделистов-морганистов: С. К. Кондрашов, Б. А. Голубев, В. А. Ковда и Н. Н. Ремезов.

В экспертной комиссии по ветеринарии из 13 человек (председатель академик С. Н. Вышелесский) только один человек — И. Е. Мозгов — был вейсманистом-морганистом. Зато в комиссии по зоотехническим специальностям (председатель профессор Е. Я. Борисенко) из 13 человек 4 были представителями вейсманистско-реакционного направления, включая самого председателя: Е. Я. Борисенко, а также А. М. Панин, В. К. Молованов и П. Ф. Рокицкий.

Придя в ужас от такой информации, Коллегия решила пересмотреть состав всех экспертных советов по биологическим специальностям, пополнив их состав «учеными прогрессивного мичуринского направления». Кроме того, Коллегия рекомендовала проверить работу ученых советов ряда вузов (Тимирязевской сельскохозяйственной академии, биологического факультета МГУ и др.), присуждавших кандидатские степени вейсманистам — органистам.

<sup>92</sup> ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 179.

<sup>93</sup> Там же. Л. 176–178.

Естественно, что решения Коллегии были выполнены, и экспертные комиссии были сформированы заново только из представителей «прогрессивно-мичуринского направления в биологии»<sup>94</sup>.

«Вейсманистско-морганистские» диссертации, отвергнутые ВАКом в этот период, были защищены до сессии ВАСХНИЛ. Делалось это очень просто: достаточно было рецензентам найти в них «менделизм-морганизм», и диссертация не имела никаких шансов быть утвержденной.

Вот несколько характерных примеров. К. А. Панина 19 мая 1947 г. в Совете Московского педагогического института защитила кандидатскую диссертацию на тему «Изучение изменений стерноплеврических щетинок у *Drosophila melanogaster* в природных популяциях и высокоинбредных линиях при отборе». Официальные оппоненты — профессор П. Ф. Ракитский и кандидат биологических наук Я. Л. Глембоцкий — дали о работе положительные отзывы. Однако член экспертной комиссии профессор Н. И. Нуждин нашел, что теоретической основой диссертации является морганизм.

27 мая 1949 г. экспертная комиссия во главе с новым председателем академиком Долгушиным постановила: «Ввиду того, что диссертационная работа Паниной построена на метафизических позициях морганизма, а сама работа не представляет интереса ни в теоретическом, ни в практическом отношении, экспертная комиссия не считает возможным рекомендовать Пленуму ВАКа утвердить Панину в ученой степени кандидата биологических наук»<sup>95</sup>. Не помогла и личная апелляция Паниной. Пленум ВАКа ее диссертацию не утвердил<sup>96</sup>.

Н. П. Вотинов 24 июня 1948 г. на Ученом совете биологического факультета Ленинградского университета защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Овогинеиз и овуляция у севрюги». Официальные оппоненты профессора В. К. Суворов и Н. И. Соколов высоко оценили работу. Но референт ВАКа профессор С. Н. Скадовский дал отрицательный отзыв. Он писал: «Исследование Вотинова содержит ряд принципиальных методологических ошибок. Основная и весьма серьезная методологическая ошибка проф. Гербильского, под руководством которого выполнена диссертация, а также ошибка диссертанта состоят в том, что они пытаются разрешить сложную и широкую биологическую проблему — овладения процессом размножения у рыб, — игнорируя основные принципы мичуринского учения, не изучая особенности развития организма в целом и, в частности, требования обмена веществ к условиям среды. Автор не проявил достаточной щепетильности к вопросам приоритета советских ученых, не использовал в своем исследовании ряда их работ. Недостатки диссертации весьма серьезны, так как ее теоретическая методологическая основа в корне противоречит принципам мичуринской передовой биологии, принципам марксистской науки»<sup>97</sup>. Разумеется, что при таком отзыве экспертная комиссия не рекомендовала присудить Вотинову иско-

<sup>94</sup> ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 179.

<sup>95</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 602. Л. 173–174.

<sup>96</sup> Там же. Л. 72–73.

<sup>97</sup> Там же. Ед. хр. 598. Л. 516.

мую степень. Президиум ВАКа рассмотрел дело Вотинаова 25 октября 1949 г. Вот как проходило обсуждение:

Самарин: Есть предложение отменить решение Ученого совета. Какие есть другие предложения?

Грабарь: Голосование было единогласное. Редкий случай, когда голосование единогласное. Это особо надо обсудить. Это заставляет задуматься.

Самарин: Что тут задумываться — диссертант стоит на ложных позициях. Мы много таких работ отменили после августовской сессии ВАСХ-НИЛ. Голосую — отменить решение Совета <sup>98</sup>.

И отменили.

Вот еще один характерный пример. А. М. Джабар-Заде успешно защитил в Медицинском институте в Азербайджане кандидатскую диссертацию на тему «Гиперэластичная кожа как наследственно-семейное заболевание». Но референт ВАКа профессор В. И. Суханов дал отрицательный отзыв. Вот что он писал:

Диссертант почти исключительно цитирует иностранных авторов, в том числе Моргана и Вейсмана. На протяжении всей работы он сосредотачивает все внимание на пропаганде формальной генетики, договариваясь до «гена хрупкости, гена ранимости кожи и т.д.». То, что автор придерживается установок формальной генетики всякий раз подтверждается перечнем литературы, в котором называются работы Дубинина, Вейсмана, Давиденкова, Завадовского, Керкиса, Кольцова, Левита, Меллера, Моргана, Натали и др. Наоборот, приведенные в списке литературы такие авторы, как Заварзин, Иванов, Лысенко и др., ни одним словом не упоминаются в тексте. Таким образом, сочинение А. М. Джабар-Заде является вредным, опасным, псевдонаучным и клеветническим на советскую генетику. Необходимо признать диссертацию явно порочной и даже вредной для врачей и биологов <sup>99</sup>.

Экспертная комиссия по кожно-венерическим болезням под председательством профессора Ф. Н. Гринчара постановила:

1. Диссертация в основном построена на принципах формальной генетики, которая широко автором пропагандируется. В работе много рисунков, указывающих на унаследование признаков по генам.
2. Автором в основном использована иностранная литература, откуда он часто цитирует Вейсмана, Моргана, Менделя. Чрезвычайно большое внимание уделяется также морганистам — Левиту, Кольцову, Завадовскому и др.
3. В литературном указателе автор ссылается на врага народа Левита.

<sup>98</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 36.

<sup>99</sup> Там же. Ед. хр. 634. Л. 61–63.

4. По такому важнейшему затронутому автором вопросу диссертации совершенно отсутствуют ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

На основании вышеизложенного экспертная комиссия считает, что работа врача Джабар-Заде А. М. не удовлетворяет требованиям к кандидатским диссертациям<sup>100</sup>.

На Президиуме ВАКа дискуссии не было:

Самарин: Профессор Рахманов!

Рахманов: Я ничего благоприятного не скажу. Псевдонаучный труд, основанный на положениях Моргана–Вейсмана–Менделя. Таким образом не только неудовлетворительный труд, а просто вредный.

Самарин: Какие мнения будут?

Голоса с места: Отклонить!

Самарин: Будем голосовать<sup>101</sup>.

Проголосовали — отклонить. Еще один пример. Н. И. Шапиро 5 мая 1948 г. защитил докторскую диссертацию на Ученом совете биологического факультета МГУ на тему «Анализ естественного и индуцированного рентгеновскими лучами мутационного процесса». Защита прошла блестяще. Официальные оппоненты — член-корреспондент АН СССР Н. П. Дубинин и профессора Б. Л. Астауров и И. А. Раппопорт — отметили, что диссертация Шапиро посвящена очень интересной и новой проблеме сравнения закономерностей спонтанного природного процесса и мутаций, вызванных таким сильным и необычным для природы фактором, как воздействие рентгеновских лучей<sup>102</sup>.

Старая экспертная комиссия, под председательством профессора Жуковского, рекомендовала утвердить Шапиро в искомой степени. Но она была вскоре расформирована, и диссертация попала в новую комиссию под председательством академика Долгушина. Диссертация была рассмотрена 18 июня 1948 г. и результаты оказались совсем противоположными. Экспертная комиссия постановила, что диссертация Н. И. Шапиро не соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, потому что «в ней нет ни одного слова критики формальной концепции морганизма с точки зрения мичуринской генетики»<sup>103</sup>. На Президиуме ВАКа рассмотрение диссертации Шапиро заняло одну минуту.

Топчиев: Ясное дело?

Голоса с места: Ясно!

Топчиев: Голосую — отклонить<sup>104</sup>.

<sup>100</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 627. Л. 554.

<sup>101</sup> Там же. Л. 56.

<sup>102</sup> Там же. Ед. хр. 577. Л. 755–757.

<sup>103</sup> Там же. Л. 757.

<sup>104</sup> Там же. Л. 81.

Наиболее громким «антимичуринским» делом было дело В. П. Эфроимсона. Он 4 апреля 1947 г. защитил на Совете Харьковского университета докторскую диссертацию на тему: «Проблемы генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда». Официальные оппоненты профессора Б. Л. Астауров, Л. Н. Делоне, И. М. Поляков и С. С. Четвериков считали, что диссертация Эфроимсона — ценное научное исследование, основанное как на собственных опытах, так и на анализе мировой литературы. Диссертант установил новый метод селекции, которому он дал название «факториальный метод». Он давал в руки селекционерам почти идеальный метод контроля результатов проведенной селекции.

Референт ВАКа член-корреспондент АН СССР Н. П. Дубинин тоже положительно оценил диссертацию. Он писал в своем отзыве: «В целом работа В. П. Эфроимсона представляет собой выдающийся капитальный труд в области генетики и селекции тутового шелкопряда, прокладывающий новые пути во всей этой области науки и практики»<sup>105</sup>.

11 ноября 1947 г. старая экспертная комиссия по биологии под председательством профессора Жуковского постановила: «В. П. Эфроимсон является выдающимся специалистом в области генетики. Его диссертационная работа, посвященная выяснению ряда сложнейших вопросов генетики, селекции и гибридизации тутового шелкопряда, представляет собой обширный и капитальный труд, имеющий большое теоретическое и практическое значение. Работа содержит огромный материал как лично принадлежащий автору, так и сводку всей основной литературы, напечатанной по затронутым автором вопросам»<sup>106</sup>.

Казалось, вопрос ясен. Однако в ВАК поступило письмо Лысенко с решительными возражениями против диссертации Эфроимсона. Срочно 13 декабря 1947 г. собралась экспертная комиссия и постановила отложить рассмотрение дела Эфроимсона, направив его диссертацию на отзыв профессору Е. Ф. Лискуну. Тот дал весьма обтекаемый отзыв (сессия ВАСХНИЛ еще не состоялась) и рекомендовал направить диссертацию на переработку по части теории и методологии.

7 февраля 1948 г. диссертация Эфроимсона была рассмотрена на Пленуме ВАКа и по предложению Президиума дело Эфроимсона было исключено из протокола заседания ВАКа ввиду того, что в Министерство высшего образования «поступили материалы, порочащие Эфроимсона как преподавателя высшего учебного заведения. Эфроимсон перевел и распространял среди работников кафедры и студентов статью невозвращенца — белоэмигранта, реакционного биолога-морганиста Добжанского, в которой последний клеветал на советское государство и на мичуринское направление в биологии»<sup>107</sup>.

Президиум ВАКа 21 сентября 1948 г. рассмотрел поступивший материал и,

<sup>105</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 605–608.

<sup>106</sup> Там же.

<sup>107</sup> Там же. Л. 22.

вернувшись к оценке диссертации Эфроимсона, счел, что он не заслуживает присуждения ему ученой степени доктора биологических наук<sup>108</sup>. На этом дело не закончилось. 9 октября 1948 г. дело Эфроимсона вновь рассматривалось на Пленуме ВАКа. Вот как проходило обсуждение:

Тимофеев: Работу Эфроимсона я получил недавно, ознакомился с работой и пришел к такому заключению. Работа большая, она написана на 570 страницах, имеет около 45 глав. Состоит из 6 частей. Первая часть — безобидная, она описывает тутовый шелкопряд, его образ жизни, выкормку. Во второй части (самой большой) автор приводит материал по генетике тутового шелкопряда, приводит большие данные из литературы. Здесь тов. Эфроимсон исследовал сам целый ряд признаков. Признаки эти он определяет наличием генов: он определил гены белого глаза, гены разбегания личинок, гены неразбегания личинок и целый ряд других легенд. Эта глава имеет много генетических сведений, но никакого вывода автор не делает и пишет, что нужно продолжать этот бактериальный анализ, чтобы сделать выводы. Следующие главы в том же духе написаны. Все сводится к наличию генов, происходит тутовый шелкопряд от дикой формы, имеющей весь набор генов. Вся эта работа построена на теории наследственности. Никаких практических выводов он не делает в своем заключении.

Топчиев: Работа антимичуринского направления.

Тимофеев: Да. она антимичуринского направления. Когда я услышал, что сделано предложение его труд переработать, — я был удивлен, — переработать его нельзя.

Топчиев: В феврале этого года я выезжал в Харьков по заданию министра и там на месте мне пришлось отчислить Эфроимсона из университета. Сам он сомнительный человек в прошлом, в свое время был репрессирован за участие в антисоветской группировке, и семья его вся такая. Но не в этом дело. Статью Добжанского, антисоветскую, клеветническую он распространял среди сотрудников и студенчества. Это было предметом обсуждения в университете, мы там проводили актив, обсуждали в партийном порядке, и в результате его пришлось отчислить из состава университета.

Больше того, Поляков, известный морганист, один из лидеров морганистов-вейсманистов, который тоже отчислен из Харьковского университета, его поддерживал.

Работа ничего ценного не представляет как научное произведение. Во-вторых, он стоит на антимичуринских позициях, и нет никакого сомнения, что нам необходимо голосовать за отклонение.

Какие будут предложения? Голосую — отклонить»<sup>109</sup>.

<sup>108</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 22.

<sup>109</sup> Там же. Ед. хр. 559. Л. 38–39.

Само собой разумеется, что Пленум ВАКа диссертацию Эфроимсона отклонил.

Не приводил к успеху и конформизм. 1 апреля 1948 г. А. А. Прокофьева-Бельговская на заседании Ученого совета Института эволюционной морфологии АН СССР защитила докторскую диссертацию: «Цикл клеточного ядра, фактор развития и наследственности». Однако экспертная комиссия в новом составе не рекомендовала присудить ей ученую степень доктора биологических наук. В заключении комиссии говорилось о большом объеме фактического материала диссертации, истолкование которого «представляет собой худшую сторону вейсманизма»<sup>110</sup>.

На этом заседании И. Е. Глущенко, известный последователь Лысенко, высказался в том духе, что фактический материал, полученный диссертантом, можно истолковать и с позиций мичуринского направления. На это Прокофьева-Бельговская ответила: «Что же касается теоретических представлений, развиваемых Глущенко на основе этих и его собственных материалов, то они для меня совершенно не приемлемы, но развивать теоретическую дискуссию по основам генетики и цитологии на страницах диссертации я не сочла возможным»<sup>111</sup>.

Дело пошло на Президиум ВАКа. Обсуждение проходило так:

Прокофьева-Бельговская: В диссертации есть крупные недостатки, которые мне особенно видны теперь. Когда я вела исследования и начала писать диссертацию, я считала, что добытый мною материал является общим развитием общепринятых в цитологии и генетике положений. Когда я закончила диссертацию, мне стало ясно, что собранный мною материал требует пересмотра.

Я считаю, что моя диссертация не мичуринская по своей форме, я сделала большую ошибку, что не сочетала выводов, которые были развиты Мичуриным и Лысенко. Это было тем более ошибочно, что и вторая, и третья, и четвертая части моей работы были проведены мною, когда я была сотрудницей Трофима Денисовича Лысенко. Однако я убеждена, что весь материал, который содержится в диссертации, войдет в передовую советскую биологию.

Кочергин: Мне не совсем ясно, что означает положение соискателя «работа по форме не мичуринская...».

Прокофьева-Бельговская: Я не цитирую положения Мичурина, не привожу его положения. Если вы подойдете к диссертации формально и посмотрите список цитированной литературы, вы можете ее отбросить, не читая и сказать, что в ней не содержится мичуринской теории развития, но по материалам — это материал теории развития в цитологии, данный впервые.

Я могу присоединиться к выводу т. Глущенко, что в диссертации со-

<sup>110</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 577. Л. 752–754.

<sup>111</sup> Там же. Л. 754.

бран огромный интересный материал в пользу мичуринской биологии, однако я в работе не сопоставляла все, что я сделала в мичуринском направлении. Это моя ошибка.

Яковлев: Тов. Прокофьева считает, что ее работу будут использовать в плане мичуринской теории, а почему в этом grossбухе ни разу не упоминается Мичурин? Мичурина нет не только в списке, а и вообще в работе.

Прокофьева-Бельговская: Это моя большая ошибка, что собран весь материал в пользу теории развития Мичурина, я не сопоставила его материалы с данными, полученными мною.

Бушинский: На каких позициях вы стоите?

Прокофьева-Бельговская: На позициях передовой мичуринской науки. Я считаю, что признаки не наследуются в готовом виде, а развиваются заново, и это положение имеется во всех фактических материалах, которые я привожу в диссертации.

Нуждин: Почему вы говорите: «Что касается мичуринских теоретических положений, развиваемых Глуценко на основе этого и его собственного материала, они для меня совершенно неприемлемы». Теоретические положения Глуценко для вас неприемлемы?

Прокофьева-Бельговская: Разве я сказала «мичуринские положения Глуценко»? Зачем вы мне это приписываете? Вы считаете все положения Глуценко мичуринскими?

Нуждин: Почему вы ссылаетесь на него, когда знаете, что Глуценко является представителем мичуринского направления в генетике?

Яковлев: Я вполне согласен с выводами экспертной комиссии. Я знаю тов. Прокофьеву 17 лет, когда она еще только кончала МГУ и поступала в аспирантуру. Начиная с первых шагов своей научной деятельности, она всегда стояла на формальных генетических позициях, хотя последнее время у нее, правда, выяснились некоторые элементы эволюции в ее взглядах. В своей диссертационной работе, как хорошо сказал доктор биологических наук Глуценко, материалистическую генетику она искусственно старалась ввести в русло органистической генетики.

Я считаю, что если мы дадим тов. Прокофьевой-Бельговской степень доктора наук, то мы с вами будем искусственно культивировать вредный, реакционный, метафизический организм в нашей стране, и опять может создаться положение, когда нужно будет созывать вторую августовскую сессию Академии Сельхознаук. Я считаю — нужно отклонить.

Каиров: В августовской сессии вы какую линию занимали? Говорили ли вы, выступали ли вы на этой сессии? Может быть выступали в печати? Каковы ваши позиции сейчас?

Прокофьева-Бельговская: Я в сессии не принимала участие, я не была приглашена на нее. Моя позиция? Я знакома с работой сессии. Я считаю, что критика хромосомной теории наследственности, которую дал Лысенко, была правильной. Положение о неизменности генов, о неизменности хромосом, об оторванности половых клеток от соматических — все эти положения были Лысенко раскритикованы совершенно правильно. Я говорю это не только формально, но на основе всего материала диссертации, которая здесь представлена.

Топчиев: Я считаю, что нужно отклонить. Из каких соображений? Выступая здесь перед нами, она по существу продолжает стоять на позициях менделизма-морганизма.

Нуждин: Отстаивает их.

Топчиев: Хотя факты диссертации против этой теории. И те выступления, которые были со стороны тов. Нуждина и некоторых членов ВАКа, должны были соответственно заставить ее пересмотреть свои позиции. Но она упорно, как фанатик, стоит на своих позициях. Я считаю, что таким людям присуждать ученую степень доктора биологических наук мы не можем. Голосую — отклонить»<sup>112</sup>.

Как и при рассмотрении «антипатриотических» и «аполитичных» диссертационных дел, важное, если не решающее, значение играло «общественное лицо» соискателя. Ну, а если это «общественное лицо» имело какие-то дефекты, да при этом стояло на позициях менделизма-морганизма или антипатриотизма, то дела такого соискателя ученой степени или ученого звания были совсем плохи, даже если он был автором выдающихся работ. За чистотой «общественного лица» соискателя следили партийные органы на местах, которые оперативно информировали ВАК. В ВАК писали часто, и часто эти сигналы оказывали решающее влияние на ход рассмотрения аттестационных дел.

Вот только два примера. 18 октября 1946 г. Ф. Э. Реймерс благополучно защитил в Институте физиологии растений докторскую диссертацию: «Физиология онтогенетического развития репчатого лука». Экспертная комиссия рекомендовала утвердить его в искомой степени. Но 1 ноября 1947 г. в ВАК поступило заявление секретаря партийной организации Научно-исследовательского института овощного хозяйства, в котором говорилось, что Реймерс недостойн ученой степени доктора наук, так как он «преклоняется перед иностранщиной». Президиум ВАКа 21 ноября 1948 г. выяснил, что преклонение выражается в цитировании вейсманистов-морганистов и, естественно, отклонил работу<sup>113</sup>.

Другой пример. Л. Д. Должанский. 16 июня 1946 г. на заседании Ученого совета экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА) защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Два опыта ор-

<sup>112</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 577. Л. 72–74.

<sup>113</sup> Там же. Ед. хр. 559. Л. 436–437.

ганизации кормовой базы в пригородной зоне Москвы». Экспертная комиссия положительно оценила диссертацию.

Но в октябре 1946 г. на имя министра Кафтanova поступило письмо от члена партии тов. Молчанова, работника Управления сельского хозяйства Центр-союза, «с просьбой внимательно изучить диссертацию Должанского» и с заявлением о том, что Должанский не достоин «почетного звания кандидата наук»<sup>114</sup>.

Секретариат ВАКа тут же запросил партийную организацию ТСХА об «общественном лице» Должанского и получил отрицательную характеристику. В ней было сказано, что Должанский груб, дерзок, совершенно игнорирует мнение местной парторганизации и вызывающе ведет себя благодаря безграничной поддержке со стороны бывшего директора ТСХА Немчинова.

При такой ситуации диссертация Должанского была направлена на повторный отзыв профессору М. М. Соколову. Понятно, что отзыв был соответствующий.

Вот несколько цитат из этого отзыва: «Когда советские агробиологи говорят о вегетативном периоде растений, в этом есть материальная основа — живой организм. Когда Должанский говорит о вегетативном периоде местности, то здесь материального ничего нет, здесь идеализм, который так характерен для морганистов — менделистов, выкормышем которых является Должанский. Должанский не приводит ни одного постановления партии и правительства. Прикрываясь туманными фразами о потенциалах, Должанский стремится увести колхозников от важнейшей задачи сельского хозяйства — повышения урожайности сельскохозяйственных культур и повышения почвенного плодородия. В работе нет ни одной ссылки на работы Ленина и Сталина. Для Должанского не существует ни советского государства, ни коммунистической партии. Он пишет о том, что усилия ученых направлены на изыскание способов и приемов и т.д. Каких ученых, в условиях какого государства — советского или капиталистического. Этой разницы Должанский не видит. Он видит травопольный севооборот в Швейцарии, повышение урожайности в капиталистических странах и не видит величайших преобразований в сельском хозяйстве СССР. С позиций буржуазного космополитизма и низкопоклонства перед США Должанский воспекает мнимые успехи сельского хозяйства США и не видит обратной стороны капиталистического варварского сельского хозяйства США. Должанский ставит социалистические Москву и Ленинград в один ряд с капиталистическими городами и сравнивает, на каком месте Москва и Ленинград стоят по количеству мусора среди прочих городов. Кроме мусора Должанский ничего не усмотрел в столице Социалистического государства».

Референт считает:

Отклонить представленную кандидатскую диссертацию как вредную, антимичуринскую, антивильямскую работу, в которой развязанная клевета на великого русского ученого чередуется с космополитическими ошибка-

<sup>114</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 394–400.

ми автора, как работу на низком уровне, изобилующую экономическими и агротехническими ошибками.

Изъять вредную работу Должанского.

Запретить Должанскому заниматься педагогической работой в вузах.

Проверить, когда и при каких условиях сдавал Должанский кандидатский минимум <sup>115</sup>.

Разумеется, ВАК приняла эти рекомендации рецензента.

\* \* \*

Конечно, не следует думать, что вся деятельность ВАКа состояла в борьбе с идеологически вредными диссертациями. ВАК исправно выполняла и свои прямые функции — присуждала ученые степени и звания ученым, чьи работы не вступали в противоречия с официальной идеологией. И таких работ было большинство. Но приведенный выше конкретный материал свидетельствует, что в рассмотренный период в деятельности ВАК явно прослеживалась идеологическая и политическая компоненты. В те времена иначе и быть не могло. ВАК, будучи одним из управлений Министерства Высшего образования, стояла на страже не столько научного качества диссертаций, сколько их идейного содержания и политической направленности. При этом всегда последние компоненты являлись определяющими. Ясно, что при таком положении и ученые советы на местах вынуждены были руководствоваться сходными критериями. Мы не знаем, сколько диссертаций, сомнительных в идейном плане, не были приняты к защите учеными советами. Но, как показано выше, часто эти идеологические фильтры не срабатывали, и тогда на их пути вставала ВАК — последний рубеж обороны от идеологической и политической крамолы.

---

<sup>115</sup> ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 394–400.